

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παράλιπομένων

Лев Гомолицкий
Сочинения
русского периода

ПРОЗА
ЛИТЕРАТУРНАЯ
КРИТИКА

Серебряный век. Паралипоменон

Лев Гомолицкий

**Сочинения русского периода.
Прозаические произведения.
Литературно-критические
статьи. «Арион». Том III**

«Водолей»

2011

Гомолицкий Л. Н.

Сочинения русского периода. Прозаические произведения.
Литературно-критические статьи. «Арион». Том III /
Л. Н. Гомолицкий — «Водолей», 2011 — (Серебряный век.
Паралипоменон)

Межвоенный период творчества Льва Гомолицкого (1903–988), в последние десятилетия жизни приобретшего известность в качестве польского писателя и литературоведа-русиста, оставался практически неизвестным. Данное издание, опирающееся на архивные материалы, обнаруженные в Польше, Чехии, России, США и Израиле, раскрывает прежде остававшуюся в тени грань облика писателя – большой свод его сочинений, созданных в 1920–0-е годы на Волыни и в Варшаве, когда он был русским поэтом и становился центральной фигурой эмигрантской литературной жизни. Третий том содержит многочисленные газетные статьи и заметки поэта, его беллетристические опыты, в своей совокупности являвшиеся подступами к недошедшему до нас прозаическому роману, а также книгу «Арион. О новой зарубежной поэзии» (Париж, 1939), ставшую попыткой подведения итогов работы поэтического поколения Гомолицкого.

Содержание

Прозаические произведения. Литературно-критические статьи	7
Литературный кружок в Остроге	7
Из цикла «Революции». Сказание о деревне и усадьбе	8
Происхождение и культурное значение Львовского	10
Ставропигийского братства	
Лирник	13
Ко дню русской культуры. венец терновый, увитый лаврами (О	15
русском искусстве)	
Народный подвиг (Из жизни Пряшевской Руси)	21
О самом важном	23
<Самокритика>	28
Об основах русской культуры	29
2	30
3	32
4	33
5[2]	35
6	37
7	40
8	42
Источники	45
Из вечных мыслей Ф. М. Достоевского	46
1. Жизнь-рай	46
2. Любовь	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48
Комментарии	

Лев Гомолицкий

Сочинения русского периода.

Прозаические произведения.

Литературно-критические статьи. «Арион». Том III

Составители и издательство выражают глубокую благодарность Кафедре славистики, Отделению литератур, культур и языков и деканату Факультета гуманитарных и точных наук Стэнфордского университета за щедрую поддержку этого издания

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
И. Е. Будницкий (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
Т. М. Горяева (Россия),
А. Гришин (США),
В. В. Емельянов (Россия), О. А. Лекманов (Россия), В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия), Р. Д. Тименчик (Израиль), Л. М. Турчинский (Россия), А. Б. Устинов (США), Л. С. Флейшман (США)

Издательство искренне благодарит *Юрия Сергеевича Коржа и Алексея Геннадьевича Малофеева* за поддержку настоящего издания

© Tadeusz Januszewski (Warszawa), тексты Л. Гомолицкого, 2011

© Л. Белошевская, П. Мицнер, Л. Флейшман, составление, подготовка текста, предисловие, примечания, 2011

© М. и Л. Орлушины, оформление, 2011

© Издательство «Водолей», оформление, 2011

Прозаические произведения. Литературно-критические статьи

Литературный кружок в Остроге

В Остроге, только настало 8 ч., улицы черны и безлюдны. Витрины опустили железные веки, фонари одиноко торчат на перекрестках. Ветер сметает снег с катка тротуаров. Висячие вывески скрипуче кашляют в спину. Извозчичья лошадь покорней верблюда хромот в дом, а дом – молчаливее склепов.

Мрачный фон, по которому всё живое скользит мимолетной тенью.

Между тем в это захолустье случайно заброшен маленький литературный кружок профессионалов. Ими разбирался вопрос: можно ли писать без притока свежих впечатлений, под прессом отчаянья? Мнения разошлись. Однако живут поневоле в одинаковых условиях покорившиеся и покорные.

Молодость зарубежного писателя теперь измеряется не по летам. Он уже плешив и истрепан жизнью, а две напечатанных повести еще не создают имени, и зовется он всё «молодым». «Иллюстрированная Россия» печатает после смерти молодого поэта некролог, фотографию и два образца. Не знаю, как это делается. Может быть, следует посылать заранее, еще при жизни?

Кружок предполагал развить свою деятельность шире профессиональных споров в своей среде... Общество любителей литературы, выступления, лекции, вечера – это всё обсуждалось, даже не по наивности, а для очищения совести. Когда приехал и временно увяз в нашей тине С. Рафальский, попытки возобновились. Но каждый раз повторялось одно и то же. Мы врезались в общую пассивность, уходили в нее, как иголка в перину – легко и совершенно безнадежно. Машина работала холостым ходом. Ремни шипели, не задевая колес, зубцы жрали, не цепляясь друг за друга, колеса беспомощно болтались на осях. Несколько лекций – апофеоз общественной деятельности кружка. Очевидно, составляющие его сбиты в общую кучу волнами нашего острожского моря. Так уживаются между собою самые разнообразные предметы, выброшенные бурей на отмель.

Члены кружка сходятся запросто, в гости, посвящая время чтению своих произведений и беспощадной критике прочитанного. Наверное, каждому из нас было бы труднее сохранять бодрость, если бы не эта взаимная поддержка.

За Свободу!, 1928, № 67, 21 марта, стр. 6 («Единение. Вольная трибуна молодежи. Приложение к газете “За Свободу”»). Подп.: Гомолицкий. Частично, без двух последних абзацев, заметка приведена в статье: Агапкина Т. П., Цыбенко О. В. (Москва), «Материалы к биографии Леона (Льва) Гомолицкого», *Studia Polonorossica. К 80-летию Елены Захаровны Цыбенко* (Москва: Издательство Московского университета, 2003), стр. 469.

Из цикла «Революции». Сказание о деревне и усадьбе

Над рекой на холме усадьба господская.

На другой стороне деревня стоит.

На другой стороне люди бородами заросшие, люди с лапами полузвериными, в тулупах вывороченных; из бороды слово несвязно, неразборчиво; из бороды глаза мрачно горят.

Привез пан Афины Палладскую: из белого камня сделанную, поставил между белых колонн.

Ветерок из парка набегает, плющ по колоннам раскачивает, пятна солнца на скатерти играют, помещик на скатерти чай пьет, газетку читает: Война. Революция. Приказ.

В колонной зале пусто, на полу отражение тела удлиняется, со стен улыбаются дедушки, бабушки в чепцах, в гробах – свирепые и загадочные. За зеркальными дверями – сумерки, деревья синие, кое-где пожары занимаются: сыпят искры в осеннее небо.

На другой стороне, точно галки, люди высыпали, встречают с войны вернувшихся, свистят гармоники. Похаживают, на холм посматривают: из бород глаза недобро горят.

Над рекой на холме молчит усадьба господская.

На другой стороне деревня кишит.

Вьют мужики веревочку, посвистывают. Шинелишки серые шмыгают. Винтовочки из рук в руки переходят. Воронье от выстрелов над церковкой каркает – треплется.

Ставит Петро недра водочные: «Пей, пока у кого охота. Товарищи, будет нашего бедования. Айда в хоромы панские. Пришло время нам пановать!»

Через реку толпа сыплется, выстрелы во все стороны разлетаются, телеги боком подпрыгивают – идут панское богатство поровну делить.

Вышел помещик гостей встречать, кричит – надывается: «Берите всё, мои дети». Слова в реве толпы теряются.

Ступил Петро на крылечко, откинул лапищу – только в господской груди, как у лошади, екнуло. Связали барские ручки веревочкой, отвели в сарай, заперли, приставили сторожа с винтовочкой.

Приступили имущество поровну делить: каждому по листику от фикуса, белье господское на полоски порвали, ковры на дорожки порезали.

Ребятишки осколки, фигурки разные, тряпочки грязные пособирали, на печь притаскали.

Подошел Петро к Афине Палладской: колупнул ногтем, приметнул глазом – это, говорит, на известку пойдет, всякое за войну видели, кое-чему выучились.

На площадке перед портиком греческим трещит, сыпет костер искрами. Такая пальба. А шинель нарочно в огонь патроны бросает. Бабы пугаются, ребятишки суются. Накинули петлю на шею Афине, потащили по лестнице. Мрамор обивается, по площадке к костру дорожка извивается.

Белая, недвижная, величественная лежит богиня на огненном ложе, глядит загадочно в русское небо белесое.

Сидит барин в сарае запертом.

Только травы под стеной от пыли шуршат.

Только видно в щель, когда ночь, когда день.

Только видно в щель, как птицы летят; ветром птичий голос еле доносится.

Была у пана старушка мамушка – его деток господских выкормила.

От пана жена ушла, деток с собой увезла, где теперь – в Италии, в Киеве – все следы потеряны. Осталась у пана одна мамушка кормилица.

Услышала бабушка, г. барина суд ждет, завозилась в своем углу, вылезла из щели мушиной. А и ее имя все давно запомнили.

«Или в вас Бога больше нет. Вот погодите, Богу-то за всё ответите».

«Нет теперь, бабушка, Бога. Бога богатые выдумали».

В мыслях старуха ногами запуталась. Только старое твердо помнится, смерть близкая выучила: «Разве можно по-разбойничьему! Бог видит, Богу-то за всё ответите».

Приплелась бабушка к сараю. Мужичок винтовочку поднял, «стой!» подмигивает: «пропуск!»

«Чего со старой ищите. Осмешники».

«Вались, божья, кудую выползла».

Обошла сарай, проковыряла щелочку, шепчет в щелочку:

«Здесь ли ты, Иван Сергеевич? Помолись-ка ты Почаевской. Она одна и есть что спасет...»

«Уезжала барыня Мутрена Степанна, казала, отдай ты, прошу тебя ради Бога, барину Ивану Сергеичу этот куверт. Мне куверт-от на что – памяти у меня коротко, теперь вспомнили, – может, он тебе-то еще на что пригодится».

«У меня, бабушка, руки назад завязаны. Ты конверт опусти в щелочку».

За рекой мутною три стоят скамеечки, четвертая бричка из господского двора, обитая кожей.

На бричке судья сидит, на скамьях присяжные; посредине мужик засучил рукава, к дышлу веревку привязывает, бревном ее закручивает, зубы показывает, шушит портит, отсмеивается.

Бабы вышли поглядеть, как пана судить будут, как пытать будут тело панское, жилы его господские вытягивать.

Вот ведут его, подталкивают. А он смотрит, как бы не видит, на солнышко шурится, дышит воздухом родных мест, чему-то своему улыбается. Руки у него сзади закручены, ноги свободны – впереди палач.

Петро привез в свою хату рояль.

Пришлось дверь разбить – рояль внести.

Занял рояль с печью всю хату.

Вечером пришли хлопцы с гармошкой.

Хлопец рояль открыл, стукнул в клавишу – звякнуло, стукнул в другую – на другой лад.

Смеется парень, гогочет.

Бабы, в углу шепчась, захлебываются про то, как барина замучили. Теперь не заснуть – привидится.

Садится на скамеечку дядька, на уголок подсаживается. Вынимает синюю бумажку смятую, расправил – конверт заклеенный.

– Письмо отримал?

– В клуне нашел, барин, должно, обронил.

В корявых пальцах табак не держится, мизинцем придерживает конверт – уголок отрывает, сворачивает.

– А вот, слышь, Петро Степаныч, немцы идут! В городе их!

– Мы от немцов окопаемся, другу-проволаки намутаем. Мы сами с усами – командиры. Собственное государство – империя, хуторки.

Утро (Вильно), 1928, № 127, 10 июня, стр. 3. Подп.: Лев Гомолицкий. Скит.

Происхождение и культурное значение Львовского Ставропигийского братства

В связи с возвращением музеев Ставропигийского Института и Народного Дома их законным хозяевам, вокруг всего этого дела в прессе была поднята врагами обоих русских учреждений шумиха, в которой, конечно, первым делом недругам надо было дискредитировать эти русские учреждения и выставить их как бы ставленниками черносотенцев, организованными на царские деньги графом Бобринским^[1], и прочее. На самом деле ничего этого не было: ни царские деньги, ни черносотенцы, ни граф Бобринский не участвовали в возникновении русской общности в Галиции, организовалась же она значительно раньше и при следующих обстоятельствах.

В XV столетии, как предполагают историки, церковь Успения пресв. Богородицы во Львове зародилась, как улей, наполнявшийся весной новым молодым и полным сил роем^[2].

Улей этот, вероятно, поставленный самим великим духовным пасечником Галицким^[3], не был пуст и до XV века. Поколение за поколением проходили под его сводами, выслушивавшими их детский лепет и плач, потом шепот жалоб, надежд, страданий, радостей и желаний и, наконец, последнее примирение с Богом, людьми и своим житейским долгом – молчание. Но только в XV столетии вокруг храма образовался тесный союз православных людей^[4], чтобы, помогая друг другу в правильной христианской жизни, заботиться об устройстве и процветании своего улья. Такие союзы назывались в православии церковными братствами.

К тому времени Успенская церковь уже пережила два грандиозных пожара: первый, когда город был разрушен татарским нашествием, и второй, когда король Казимир сжег Львов^[5], чтобы на его пепелище построить новый город. Отстроенная, возможно, при Ягелло, церковь сгорела во время частичного пожара в 1527 году. Обеспокоенные пчелы своими средствами справлялись с несчастьем, кое-как залечили раны поврежденного здания. Старый улей отказался служить, надо было думать о переходе в новый.

На пасеке, когда приходит необходимость переносить пчел из одного улья в другой, поступают так, что на то же старое место, где стоял старый улей, ставят новый, обычно более просторный, оборотив в ту же сторону, как и в старом улье, леток. Затем вкладывают из старого в новый рамы, наполненные живою вощиной, с тяжелыми гроздьями на них трудовых пчел.

Точно так же поступили и православные Львова со своим большим ульем, дважды всё более и более увеличивая и расширяя его, пока не превратили в великолепный памятник церковной архитектуры.

Когда после первой отстройки свалилась каланча, поставленная местным архитектором, и на ее место возвел свою замечательную башню богатый купец, грек Корнякт, явилась мысль выстроить заново из нового матерьяла более просторную церковь, пригласив для этого настоящего архитектора и обратившись за помощью к тем, кто стоял тогда на вершинах светской и духовной власти. Церковное Успенское Братс. обратилось за содействием к Киевскому православному митрополиту Михаилу Рагозе и бывшему в то время проездом во Львове антиох. патриарху Иоакиму. Находясь в Галиции по делам православной церкви в Польше, антиох. патриарх дал свое благословение, подтвержденное львовским епископом Гедеоном Балабаном, а кроме того утвердил устав братства и дал братству право иметь собственную духовную школу. В 1588 г. Львов посетил константинопольский патриарх Иеремия, который подтвердил благословение Иоакима и поднял значение братства, подчинив его непосредственно себе, наименовав школу его высшею школою духовных и светских наук и дав право печатать свою летопись, церковные, школьные и научные книжки. В отличие же независимости от епископской власти, Иеремия вручил Успенскому братству знак трехраменного патриаршего креста и название *Ставропигии*.

Отсюда православное братство при львовской Успенской церкви начинает развиваться в широкую общественную организацию, вскоре охватившую все тогдашние проявления русской культурной жизни во Львове, обращавшиеся вокруг религии, так как религия в то время была началом и концом, альфой и омегой всей жизни: в ней находили свое выражение и искусство, и общественность, и даже в делах политических религия имела решающий голос, ибо она служила основой национального самосознания. А так как в то время «православный» было синонимом «русский», а русский значило то же самое, что православный, то в Ставропигийское братство и влились, как в общее русло моря, все проявления русского духа и русской жизни православной Галичины.

Первым большим делом братства была постройка Успенского храма на месте старой церкви, задуманная в грандиозных размерах и выполненная знаменитым во Львове архитектором итальянцем Паоло Романо. Начата она была в 1591, а закончена в 1630 году, уже при короле Сигизмунде II. Здание это признано одним из замечательнейших архитектурных памятников края, сохранившим свою культурную и историческую ценность, несмотря на позднейшие наслоения и пристройки разных противоречивых стилей, как это обычно бывает с большей частью памятников, на которые накладывают печать столетия.

В середине работ произошел пожар, остановивший постройку на 11 лет. Но упорными трудами дело было доведено до конца, и храм был освящен в 1631 году львовским епископом Тисеровским. В праздники в храме пели ученики братской школы и отличенные из них по способностям выступали с проповедями.

Лучшим показателем жизни, направления ее течения и глубины и быстроты его всегда служило и служит искусство. Потому наиболее характерным для первых столетий деятельности львовского Ставропигийского Братства является искусство. Всегда просачиваясь во все поры жизни, оно определяет и все стороны деятельности братства, а именно: церковь, общественность, школу и типографию. Как ни была эта деятельность многосторонняя, ее спаивало единство национального и религиозного духа, и потому всё, что здесь делалось, служило для борьбы, распространения и славы русской культуры. В братской школе воспитывались главные в то время носители цивилизации – духовные лица; в типографии печатались полемические произведения и церковные книги, тем самым пропагандируя и распространяя русское слово в народной толще, а кроме того прославлялся и популяризировался дух православия в наглядных искусствах – зодчестве и живописи. Живопись, главным образом, была развита в этом крае, так что церковная живопись во Львове даже вылилась в профессиональное объединение, где первенствующую роль играли мастера русские. Видно это из того, что, несмотря на недовольство католического духовенства, русские были в подавляющем количестве приняты в это объединение, а также из того, что во главе его одно время стоял русский живописец. Происходило это благодаря кризису, переживавшемуся западнорусской живописью, очень выгодному для нее. Старые застывшие византийские формы постепенно начали оживляться через соприкосновение со школой Возрождения. Соприкосновение это на русской почве происходило именно здесь, способствуя выработке русских характерных особенностей манеры и колорита. Канонизированные фигуры икон одевались плотью, загорались еще невнятно ощущаемыми красками, и в этом соединении была вся прелесть первых, вдохновенно-младенческих шагов, в которых русское искусство напоминало итальянскую школу Возрождения в самых ее еле угадываемых зачатках, пока еще ничто не застыло в ней отчетливыми формами, но всё напоминало теплые вихревые движения весеннего ветра.

Почти все русские живописцы Львова работали на нужды Ставропигийского Братства, входили в состав его братчиками и наравне с другими заслуженными его членами принимали участие в общественной жизни, например, отправлялись делегатами на сеймики. Тем самым Ставропигийское Братство как бы показывало, как высоко оно ценило их заслуги, не низводя

живопись на ступень простого ремесла, но уважая ее служителей почитанием, более свойственным позднейшим столетиям.

Первый иконостас Успенской церкви был рисован Федором Сенковичем. На протяжении 33 лет этот художник-иконописец работал для братства, получая, как и всюду, высшую оплату за свои работы и передав по завещанию свою фирму другому, не менее его знаменитому во Львове русскому мастеру мещанину Николаю Петраховичу, который и возобновил иконостас после того, как первый иконостас был сожжен во время грозы ударом молнии. От Петраховича в Успенском храме осталась при входе икона Божьей Матери с младенцем. Высокие денежные оценки произведений этих мастеров и то, что в числе лиц, для которых они писали иконы и портреты, были высшие духовные и светские сановники Львова, доказывает, что оба художника были не простыми ремесленниками, но выдающимися живописцами.

Направление живописи давала типография, распространяя гравировальное искусство так, что насчитывается более тысячи гравировщиков по дереву и меди, исполнявших работы для заставок, титульных листов, образов в братских изданиях. В числе граверов были не только ремесленники, но и лица духовного звания, главным образом монахи Онуфриевского монастыря.

Всё, что сохранилось из этих любопытных памятников старой живописи, вошло впоследствии в состав лучших музеев Ставропигии, лучшие же из них были вывезены в 1915 г. в Ростов-на-Дону, где и находились всё время в сохранности, а теперь возвращены обратно их настоящим владельцам. Они-то и могут быть самым красноречивым доказательством древности происхождения русской культуры и общественности в Галицкой Руси, из которых вторая насчитывает сверх шести столетий своего существования и, вопреки всем уверениям и проискам ее врагов, продолжает существовать и развивать деятельность, сохранив и закалив себя в тяжелой вековой школе борьбы за свою русскую национальность и культуру и свое настоящее и единственное русское имя.

Русский Голос (Львов), 1929, № 34–35, 5 мая, стр. 2–3.

Лирник

Нынче, когда я сидел в читальне нашего Благотворительного Общества и читал о том, что поэт Пиотровский в последней своей книге^[6] поставил в одном слове неправильное ударение, причем один ругал его за это, а другой оправдывал, – в передней открылась и закрылась дверь: кто-то вошел и сказал что-то громким голосом, чего я не расслышал, а потом оттуда послышалась тихая музыка. Звуки были приглушенные и странные, точно очень далеко играла гармоника и голос ее был невнятен. После мне показалось, что это не гармоника, а инструмент струнный, но такой, какого я не знал.

Я встал от стола, на котором веером лежали: Возрождение, Русский Голос, За Свободу, Руль и Сегодня, и вышел.

В это время как раз два простолюдина, вошедшие в переднюю, не слыша движения в доме, собирались выйти. Одеты они были обычно: в смесь своего крестьянского платья с тем, что оставила после себя война. На одном, сереньком деревенском дедушке – рваная солдатская папаха и шинель без пуговиц и в латах, а поверх ее полотняная нищенская котомка. Другой был одет в деревенскую одежду валяной шерсти, а через плечо его на спине висело то, что должно было быть музыкальным инструментом, обвязанным ветошкой. Заслышав меня, оба они остановились. Передняя в Обществе маленькая, заставленная вешалками, и мы очутились совсем рядом, лицом к лицу.

– Что это у вас? – спросил я.

– Лира, – ответил младший.

Тогда я понял, сразу вспомнив всё то, что читал и слышал о старых лирниках, разносивших некогда казацкую славу по польским окраинным русским землям.

В то доброе время их окружал народ, молча слушая и плача над их монотонными песнями, потому что там говорилось о своем русском Боге, о горькой народной доле, о татарах, о казацких походах и битвах, о всем том, что тогда было близко каждому, а теперь отошло в прошлое и вытеснилось новыми бедами и печальми.

Я поглядел на того, кто еще сохранил до нашего века Лиги Наций, интернационала и радио – прежнее народное вдохновение негодования и страданий. Он был слеп. Слепыми были и его славные предки, но лира его не звучала прежнею силой и песня, видимо, не достигала своей цели, раз он забрел в город и шел без разбора от одного дома к другому, звеня лирой и безучастно предлагая свое пение.

Мне стало обидно за него, и я к тому же никогда еще не слышал лирника. Я привел его на крыльцо Общества. Здесь, сев на верхнюю ступеньку, посадил его рядом и просил спеть мне и сыграть то, что он знает.

Хотя светило солнце, но в воздухе еще не было весны, и холодный ветер трепал волосы – я оставил шапку в читальне и не хотел идти за ней, а он, считая свое дело священным, с набожностью снял свою папаху перед игрой и настроил лиру.

Дедушка, его поводырь, стоял перед ним, уставясь выцветшим взглядом в одну точку. Я предложил ему сесть, и он сел, но было очевидно, что пение и музыка ему надоели давно, что всё ему безразлично, и одно, о чем думает он, это об отдыхе, который бы успокоил его старое высохшее тело, давно изжившее само себя, давно наскучившее долгим странствием по земле.

Лира имеет вид большой несуразно сбитой гитары, где звук производится трением деревянного колесика о струны, разница же звуков – клавишами, меняющими длину струн. Колесико вращается при помощи ручки, помещенной там, где у гитары закрепляются неподвижно струны. Не знаю, все ли лиры звучат так слабо и бедно, но думаю, что эта была сильно разбита и так расшатана, что самый ящик ее больше не усиливал звуков.

Лицо у певца было темно-красного цвета в веснушках, и пел он с тяжелой одышкой, поводя рыжими нащетиненными бровями над закрытыми веками глаз.

Он пел под заунывный мотив, с былинной заплачкой в монотонных переборах, о том, как татары, узнав, что против них вышла сама «Божья Маты», решили смириться и не «воюваты», а идти на поклоненье в Почаев, и о том, что лучшею «охвярою»^[7] за русского Бога полегли казацкие души, а еще о плаче в плену татарском по дальней родине, и в его простых устах звучало убедительней исторических исследований доказательство единства русского народа, когда он повторял о *русском* горе, о *русской* славе и о *русской* вере. А потом пел он о лютой жизни, о том, что люди стали друг другу хуже хищного зверя, а куда скрыться убогому, которому ничего не осталось как славить Христа, когда все гонят Христа, в нищем виде странствующего по *русской* земле.

И с невятной еще мне радостью и с удивлением я вдруг почувствовал, что всё то, что я уже равнодушно читал в этнографических сборниках, оживает для меня и становится понятным, и трогает, и волнует, а затверженный былинный мотив звучит для моего слуха своим первобытным мистическим языком. И я, русский интеллигент, через века сближался с тем казаком, который когда-то тужил в бусурманском плену по той же самой степной печальной отчизне.

И я забыл об этнографических сборниках, забыл о несправедливых словах, разделяющих меня с моими братьями и старающихся доказать, что то, что называло само себя русским, теперь стало чужим, потому что кто-то придал ему недавно ничего не значащее политическое название окраины старого польского королевства. А с этим забыл я и то, что после этих первобытных песен прошли века, и непосредственное сменилось искусственным, и явилось искусство петь, искусство сочинять стихи, искусство делать инструменты и искусство играть, а во всех этих искусствах очень важно вроде того, что Пиотровский употребил в слове неправильное ударение, когда писал стихи о чем-то чужом и с чужими именами и под чуждым названием «Беатриче»... Обо всем этом я забыл, переживая вместе с простой песней ее муку, тоску и надежду, родную моему русскому сердцу, а сердце мое, как мне кажется теперь, никогда и не помнило и, может быть, даже не знало обо всем этом...

* * *

В Праге Чешской нарождается новое русское начинание. Группа русских людей, спасая свой народ от раскола, решила основать общество «Единство», поставив задачей его распространять правду о единстве русского народа. Всем сочувствующим общество предлагает прийти к нему с помощью, в самых трогательных словах выражая свою просьбу^[8].

Просьба эта обращена ко всем русским людям – в том числе и ко мне, а также и к описанному здесь лирнику. И в то время, как подобные мне почувствуют необходимость ответить на призыв общества, делом доказав свое сочувствие его идее, такие лирники, ничего и не зная об организации и существовании общества «Единство», уже несколько веков служат его истинному русскому делу, и слеп и глух тот, и достоин сожаления, кто не чувствовал этого, слушая их творчество, и под звуки былинного склада народных дум не проникался трепетом единого и великого русского сердца.

Русский Голос, 1929, № 36, 12 мая, стр. 2–3.

Ко дню русской культуры. венец терновый, увитый лаврами (О русском искусстве)

Искусство каждого народа имеет свой основной тон, а именно ту веру, которой живет народ, если только справедливо, что искусство есть отражение народной души. По крайней мере, для русского искусства это надо признать справедливым.

В искусстве главным является отношение творца к своему произведению. От того, как он принимает свое дело – легко или серьезно, между прочим или всей жизнью, – зависит выбор тем и их разработка. Можно видеть в искусстве увеселение, ярмарочную витрину – тогда надо искать благосклонности праздных прохожих, не жалеть мишурных красок, делая товар заманчивым снаружи. Но никто из истинно русских талантов не решал мелко и недостойно своей задачи.

Знаменитый русский художник Репин писал так:

«Мне представляется, что искусством на земле продолжается творческая деятельность Иеговы, уже через посредство особо одаренного человека. Сам Творец посещает и вдохновляет избранных своих – гениев и талантов, – невидимо».

Не случайно первый русский великий национальный поэт отождествил себя с ветхозаветным пророком. В недостижимой после него вдохновенной простоте он открывает, как духовной жаждою томим в пустыне мрачной он влачился, и там явившийся его духовному взору серафим прикасается к его ушам и векам – и внял я неба содроганье, и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дальней лозы прозябанье.

Тогда ангел заменяет его человеческий язык и сердце на «жало мудрое <так! – Л.Ф.> змеи» и уголь, «пылающий огнем».

Как труп в пустыне я лежал,
и Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
исполнись волею Моей
и, обходя моря и земли,
глаголом жги сердца людей.

Не для пробы своих сил стремились русские творцы «ударить по сердцам с неведомой силой». Возможно, не имея достойного оправдания своей работе, они отказались бы от вдохновения. И никакие трудности преодоления материала еще не могли бы остановить их, если они твердо верили в свое призвание. На что хаотична стихия музыки, но и ее русский композитор пытался сделать разумной и подчинить духу. В записках Даргомыжского мы читаем: «Хочу, чтобы звуки прямо выражали слово. Хочу правды». Эта сила одухотворенного изумительна. Но правда человеческая, не лишенная телесности; правда, несущая на землю спасение. Она так ослепительна и высока среди земного базара, что понятно, почему служение ей – обрекает на жертву. Отсюда судьба носителя русского таланта трагична. Чувствуя себя ответственным перед другими за свою избранность, он посвящает себя этим поискам, ища всюду и прежде всего в самом себе. То же, что порою ему кажется правдой, он пробует на своей жизни и часто сгибается и погибает под тяжестью этой пробы. В истории русской культуры не трудно найти примеры подобной мудрой^[9] простоты. Она добросовестна до конца и человеческа. Так, Лев Толстой провел в поисках юность и возмужалый возраст, а восьмидесятилетним стариком взял посох и оставил полуую чашу дома только потому, что счел это своей правдой и, уча других, хотел показать ее истинность на своем примере.

На поисках правды вырос и русский театр. Один иностранец писал после поездки по России:

«Для русского зрителя театр тоже не зрелище, а служение. Я наблюдал публику зрительного зала, я прислушивался к ее пульсу, к шелесту, отклику и понял, что творит не только актер. С ним вместе в творческом волнующем напряжении слит и зритель... Эта русская черта, умение безоглядно, безотчетно, целиком отдать себя переживаниям, создает из зрительного зала колоссальную раковину с гулким стократным резонансом и повышает тон на сцене до созвучного стройного хора. Актер заражается зрителем. И если он чувствует слезы и напряженную пульсацию зрительного зала, это отвечает ему, он дрожит, как ответная мембрана. Он тоже плачет настоящими слезами, как плачут в зале смятенные, поникшие, слитые со сценою в таинственном молитвенном касании душ».

Тысячи незаметных артистов выносили на провинциальную сцену частицу своего личного существования, пока их «нутро» не вошло в поговорку. Из их исканий наконец сложилось вдохновенное целое Художественного Театра. Здесь артисты, вживаясь в роль, делали ее эпохой своей жизни. Вместо декораций фоном игры стал дух быта. В домовитой песенке сверчка, в ночных шорохах старого дома уже открывалась психология пьесы.

Все мы слышали, каким триумфальным шествием было появление русского театра за границей. Но от нас скрыта нечеловеческая работа и жертвы, ценою которых оно было приобретено. Формула «зритель учится узнавать со сцены то, что он знает в себе и в мире» была углублена до сверхчувственного в студии Худ. Театра, режиссированной Вахтанговым. Он хотел, чтобы зритель учился со сцены и тому, чего он не знает в себе и в окружающем. Этот человек, страдая смертельным недугом, не покидал работы до конца. На последние репетиции его приносили на носилках. Твердо веря в принцип «играй своей жизнью», он играл и своею смертью ради того, в чем видел Правду.

Поистине:

...венец терновый,
увитый лаврами...^[10]

Правда русского народа всегда вращалась вокруг Христа. Его принесли на Русь византийские миссионеры. В годы татарского ига и нашествия враждебных соседей Его сохраняли молчаливники в лесах, юродивые под маской безумия. Когда с Запада пришло сомнение, – посеянное ими не погибло в душах. Многие, кощунствуя и проклиная Его имя, помимо воли служили Его идеалам. Никакие бесчинства не могут вытравить эти идеалы из русского сердца. В самом глубоком падении оно мерит себя Его мерою и сознает свою неправоту. Земное противопоставляется небесному. Земное в грехе скорбит по потустороннему. Духовность признается высшей, побеждающей и справедливой. Русский поэт Блок, даже и тогда, когда тема его была далека от религии, невольно возвращался к формам православия. В стихах о Прекрасной Даме он писал:

Вхожу я в темные храмы,
Свершаю бедный обряд...

и, видимо, эта простота и бедность были сродны его духу, раз, порицая их, он останавливался на их описании с такой образностью и любовью:

Три раза поклониться долу,
Семь осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу

Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелки грошик медный,
Три да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний бедный
И зацелованный обряд^[11].

Часто и само сомнение и блуждание русской души зависело от высоты поставленного перед ней идеала, как это объясняет тот же Блок:

Прости – так хочется любить;
Пойми – так хочется поверить.

У Лермонтова есть песня – ее в России дети узнают от матерей – о том, как ангел, неся на землю душу, пел о райском «блаженстве безгрешных духов» и о «Боге великом», «и звук его песни в душе молодой остался».

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли^[12].

В период зарождения русского искусства, когда человек был проще и ничто не мешало его чистой вере, – на Руси жил смиренный иконописец Рублев. Его живопись – высшая ступень отвлеченности и идеализации. Это – видение Царствия Небесного. Духи, изображенные им, чужды всяких страстей. Они покинули землю, а с ней очистили себя от ее суеты. Преодолев смерть, они перенеслись в потустороннее. Рублев, подсмотрев загробную жизнь, при помощи своего младенческого сердца сумел формой передать то, что не имеет формы. Его творчество – это песнь ангела, подслушанная русской душой. Трудно, неся в себе такое отображение Божественного, примириться с земным. Понятны слова поэта:

Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным. (Гумилев)^[13]

Что можно противопоставить ему? Рядом всё земное – ненужно. Зато легко верить в то, что человек не может, как писал Веневитинов, «свое предназначенье в пределах жизни совершить»^[14].

Словом, ни в одной культуре, а в частности ни в одном искусстве, не играет такой роли религия, как в русской. Русский талант, будучи даже глубоко привязан к русской жизни, «не поет для суеты», сознавая, что «для цели мы великой созданы». Композитор Римский-Корсаков, обладавший натуралистическим жизнерадостным гением, кончил сказанием о граде Китеже, истинно русской темой о конечной победе добра, несмотря на безысходность зла земного. Смерть помешала ему закончить мистическую композицию «Небо и Земля». Общий путь русского истинного таланта от опьянения полнотой жизни. Но земные песни не могут заглушить памяти о райской.

Радости не надо
Вкусившим райского вина^[15].

По памяти с детства русский талант (бывает и помимо воли) обращается в кругу образов, заложенных в нем православием, и верит в его идеалы – идеалы Христа простого, приближенного к страданиям человеческим. Бог скорбный, неумолимый к другим, как и к себе, но скорбящий и скитающийся по земле среди обездоленных и оскорбленных – это уже русская национальная черта.

«Наш Христос» – русское выражение; оно имеет оправдание в характерном понимании Христа. В «рабском виде» Он исходил Русскую землю^[16], полюбившую Его проповедь больше всего за вдохновенный завет о смирении, а Его самого за то, что родился среди простых людей, за то, что пришел из презираемого Назарета, что страдал как человек и умер позорной казнью. Рядом с идеализированными красивыми распятиями европейских мастеров суд, пытки и распятие Христа, рисованные русским художником Ге, изумительны по натурализму, с которым он осмелился подойти к божественному. Его Христос колеблется, страдает и умирает, как каждый человек. Потому преграда времени исчезает и Христос становится современным, чудо – современным. Он живой и среди живых знакомых нам человеческих типов. Бог подходит вплотную к человеку, трагизм будней обожествляется, и каждый принимает участие в Его великом Деле.

Презирая славу и земные сокровища, Ге подобно Толстому ушел простым странником в конце жизни. Люди божии, в нищенском платье смиренно бродящие широкими дорогами Руси, с древних веков носили и сохраняли ее дух. Для европейски образованного, пользовавшегося всеми житейскими благами графа Толстого они явились идеалом человеческого совершенства. В этом факте доказательство национальности Толстого. Он показал на своем примере, что русский народ внутренне всё тот же и ни века, ни цивилизации не изменили его души. В повести «Отец Сергей» Толстой дает апофеоз русского странничества. Степан Касатский, как и сам Толстой, имевший все условия земного благополучия, красавец князь, командир лейб-эскадрона кирасирского полка, которому предсказывали блестящую карьеру, порвав с невестой, уезжает в монастырь. Но, задумавшись о жизни и в поисках ее правды, он находит ее только в смирении – там, где его подвиг никому не известен и презираем. Он идет странником. Однажды на дороге Касатский встречается с барыней, ехавшей с путешественником-французом. Отлично понимая их французский разговор, он не подает вида и принимает от француза подавание 20 копеек. «Ему, – пишет Толстой, – особенно радостна была эта встреча, потому что он презрел людское мнение и сделал самое пустое, легкое – взял смиренно 20 копеек и отдал их товарищу, слепому нищему. Чем меньше имело значения мнение людей, тем сильнее чувствовался Бог».

Говоря о способности русских как бы перевоплощаться в другие народы и понимать их самые характерные черты, некоторыми принято порицать это.

Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...^[17]

«Внятность» стольких чужих особенностей будто бы лишает возможности чувствовать свою собственную. Но это не так. Наоборот, такой одухотворенной любви к родине, как у русского, не знают другие народы. Одни из них любят ее рассудочно, другие инстинктивно и называют ее матерью. Но кто из них сказал так, как Блок:

О Русь моя! Жена моя!^[18]

Русский гений и родину свою, необъятную страну, раскинувшуюся по степям и пашням, очеловечил и приблизил судьбу огромного целого к судьбе одной бесконечно малой ее

частицы. Он привык чувствовать в себе, ограниченном, не поддающееся ограничению. Так выражено это у Гумилева:

Словно молоты громовые
Или волны гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей^[19].

Это непреодолимое чувство старался вытравить из себя Есенин во имя чужого интернационализма и после долгой борьбы сознался:

О Русь, малиновое поле,
И синь, упавшая в реку!
Люблю до радости, до боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить —
Я научиться не могу^[20].

То, что русскому внятно чужое, есть признаком его всечеловечности. Всечеловечность же русского определяется «его» Христом, иначе: всегда любовью, часто не знающей о самой себе.

Не к идеальному вымышленному герою обращалось сердце русского писателя. Он полюбил обыкновенного маленького человека, который составляет главную толщу человечества. Он открыл, что маленький человек ценою страданий и своего унижения купил право голоса в жизни.

Как можно наслаждаться благами земными, своими мыслями или духом, когда голос страдания громче других раздается в мире. Ради падших и обездоленных русский гений готов отказаться от самого себя и отвергнуть все ценности, признанные остальным человечеством, раз они не спасают от страдания.

Единственное спасение русского – любовь. Любовь, не признающая ничего, кроме своего инстинкта, тревожная, трогательная, чуткая и неустоящая. Апофеоз такой любви дал Достоевский. Сам страдальчески проникнутый любовью, он учил: «За людьми сплошь надо присматривать, как за детьми, а за иными как за больными в больницах»^[21].

Толстой основывал уважение чужой души на ее божественности: «Следует делать то, что делают духоводы – кланяться в ночи всякому человеку, помня, что в нем Бог».

Достоевский видит обязанность каждого перед людьми в том, что «каждый единый из нас виновен за всех и вся»... «ибо не знаю, как их и любить! Пусть я грешен перед всеми, да зато и меня все простят, вот и рай»^[22]. Жизнь дана нам для облегчения друг другу и радости – надо торопиться исполнять это назначение – потом будет поздно. Как бы ни была блаженна вечная потусторонняя жизнь, возместить пропущенного здесь будет уже нельзя. В этом и будет та мука, которая в Евангелии названа адской.

Не только внешней, но и внутренней жизнью Достоевский советует жить для других: «Всякую минуту ходи около себя и смотри за собою, чтобы образ твой благолеп. Вот ты прошел мимо маленького ребенка, прошел злобный, со скверным словом, с гневливою душой; ты и не приметил, может, ребенка-то, а он видел тебя, и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его незащищенном сердечке остался. Ты и не знал сего, а может быть, ты уже тем в

него семя бросил дурное, и возрастет оно, пожалуй, а всё потому, что ты не уберегся перед дитятей, потому что любви осмотрительной, деятельной не воспитал в себе»^[23].

«Кто любит людей, тот и радость их любит». Конечно, не за достоинства и не ради себя, но только ради любви, как выражено у Толстого: «Люблю вызывать любовь в других; – Бог, проснувшийся в тебе, вызывает пробуждение того же Бога и в другом».

Эта любовь «смиренна». «Не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе, ибо сие уже *подобие Божеской любви* и есть *верх любви на земле*»^[24].

Через такую любовь русский приближается к природе. Сердце его младенчески очистилось, он отказался от гордости человека и назвавшегося царем природы. Он понял, что кровь «не святее изумрудного сока трав»^[25]. Гумилев усумнился, сказав, что, может быть, деревьям, а не нам дано величие совершенной жизни. Отсюда приближение к животному, как у Есенина:

И меньшого брата зверя
Никогда не бил по голове^[26].

«Любите всё создание Божие, – говорит Достоевский, – и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать всё далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою, всемогущею любовью. Животных любите: им дал Бог начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте ее, не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли Божией. Человек, не вознесись над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю»...^[27]

«Всё, что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощения»^[28]. Удивительные слова, достойные, чтобы их запомнить. Можно сказать обратно: жизнь, одухотворенная любовью, – прекрасна. Земля становится раем для души, полной такой любовью. Понятны слезы восторга: – «Облей землю слезами радости твоей и люби сам слезы твои»...

И там, где надо гордиться, Достоевский смиренно прибавляет: «не стыдись исступления сего»^[29].

Русский Голос, 1929, № 41, 30 мая, стр. 2; № 43–44, 8 июня, стр. 2–3; № 45–46, 16 июня, стр. 2–3.

Народный подвиг (Из жизни Пряшевской Руси)

В Пряшевской Руси, и именно в Пряшеве, издается Русской Народной Партией *Народная Газета*. До апреля месяца этого года газета выходила два раза в месяц, но теперь, благодаря помощи из Америки своих братьев карпатороссов, газета не только спасла свое существование, но и получила возможность выходить еженедельно. Ни тяжелые условия жизни, ни оторванность через пространство от Родины не помешали русским рабочим в Америке отозваться на призыв о помощи своих братьев. Вот отрывок из письма, посланного из Америки в Народную Газету:

«Несмотря на безработицу, несмотря на нищету, душевный порыв на борьбу за нашу милую русскость не угасает и не угаснет в нас. На призыв Ваш до сего времени отозвалось 500 русских патриотов, но мы стремимся к тому, чтобы нас было 5.000. И так будет. Не падайте и Вы духом. Работайте до победного конца. Наша Американская Русь знает, что народного горя в старом крае не измерить никакими мерами, но общими силами мы добьемся улучшения...»

Американская помощь имела для Закарпатья не одно материальное значение. Гораздо больше и сильнее она повлияла на дух тем, что показала, какую твердую нравственную опору имеет родина, переживающая трудное время, в своих детях, эмигрировавших из нее. Сознание, что они не одни, подняло дух в пряшевцах, начавший было падать, и с новыми силами они предались своей культурной и национальной работе.

Это была почва, на которой окрепло выросшее самосознание народа, тесно сжатого со всех сторон врагами и недоброжелателями. Д-р Ив. Жидовский пишет в газете так: «до сих пор искали мы наше улучшение извне, всегда ждали, что кто-то другой, третий нам поможет. Всё прошлое наше десятилетие переполнено нареканиями на других, что нам не дали то, что нам не помогли в том и пр. Потому я утверждаю, что улучшение нашего положения зависит от нас самих». Принимая помощь своих друзей, надо помнить, что единственное спасение – самопомощь, – девиз, с которым выступает Народная Газета; девиз, достойный подражания для всех русских. Отсюда происходит и вывод, сделанный руководителями газеты: «довольно преступного нытья. Приступим к работе» («меморандум» к русскому народу).

Вот образец самосознания:

«Пряшевская Русь признала, что она не “русинско”, не “украинско”. Признала, что тут живут не “греко-католически словаки”, а русский народ. Значит, *везде и всюду мы должны твердить и сами знать*¹, что мы русские, а не руснаки и не украинцы. Нужно помнить, что мы не жалкая меншина, а равноправный славянский русский народ в славянской державе... Рабское наследие австрийской и мадьярской политики, как слова руснак и т. п., мы должны выбросить и забыть. *Нужно употреблять то слово, которое соответствует правде*. Тогда только мы добьемся уважения к себе и добьемся своего национального права. *Мы русские, и русским подобает русский язык. Будем стоять твердо на своем праве, и прекратится сама собой словакизация...*» «Нам скажут, что мы не знаем русского языка. Глупости. 10 лет было достаточно, чтобы знать родной язык. И правильно пишет глубоко русский человек о. Мих. Молчан, что “кто не знает русского языка, тот пусть берет грамматику и русскую книгу в руки”. Мы кричим, что у нас нет гражданских и специальных школ. *Они будут, если мы того захотим*. Есть у нас свои профессора в гражданские школы? Очень мало. Приготовьте же своих профессоров. Опять книгу в руки и на экзамен» («Меморандум»).

Христос говорил, что вера может сдвинуть гору. Такой-то именно твердой верой в великое призвание России обладают эти люди. «Всем нам нужно, – говорят они, – учиться русскому

¹ Подчеркнуто автором. (Примеч. Л. Гомолицкого.)

языку, ибо русский народ есть великий народ, живет на одной шестой части земли, и ему принадлежит будущее».

Мы уже видели дела карпаторусского народа в вековой стойкости национального самосознания, но вот еще одно его дело – саморазвитие. Он сказал: нам нужно, чтобы и мы имели свою интеллигенцию, своих торговцев, фабрикантов, ремесленников, ибо культура обозначает душевное преимущество и ведет одновременно к материальному богатству. Это было понято давно лучшими его людьми, и они поколениями терпеливо ждали, пока настанет момент и осуществление их просветительской работы станет возможным в широких размерах. Когда же наконец ожидаемый момент наступил, – они не встретили инертности в народе, которому несли русскую культуру, потому что «простой» народ, нуждаясь в духовной пище, сам обратился к некоторым интеллигентам в Пряшеве об открытии в селах читален.

«Должно отметить, – пишет “Народная газета”, – что наш народ, несмотря на свою бедноту духовную и материальную, рвется всею душою к просвещению; каждое доброе слово хватается налету... Боже мой, сколько любви несет с собой наш народ к каждому, кто любящей рукой прикоснется к его рукам, кто его приголубит, кто разбудит в нем веру и право жить по-человечески! И мы, интеллигенты, должны выполнить наш долг перед нашим убогим братом мужиком. Спят еще его таланты, придавленные тысячелетним рабством. Но верим, что наш народ в своей интеллигенции найдет достойных сынов своих славных предков».

Отсюда начинается распространение по селам Пряшевской Руси читален О-ва А. Духновича. Перед празднованием десятилетнего юбилея присоединения Карпатской Руси к Чехословацкой республике, Народная Газета обратилась ко всем русским людям Пряшевщины с воззванием: «Открытие читален Духновича – неотложное дело. К десятилетнему юбилею *они должны быть в каждом русском селе*».

Поистине здесь, в этом народе заложены великие возможности.

Тому, кто, глядя на то, что сейчас творится в России, с одной стороны, а с другой – на равнодушие к этому европейского Запада, приходит в отчаянье, тому надо обратить свои взоры сюда, чтобы найти себе поддержку в силе духа карпаторусского народа, веками выковывавшего в себе твердость национального самосознания. Своею верой в величие русской культуры, своею стойкостью в ее защите и любовью к ней народ этот призван в черные годы России быть хранителем ее духа и дать ей опору, когда она малодушно ослабевает и сомневается. Чтобы не потеряться в годы испытаний изгнания, надо всегда помнить ту любовь, с которой от Карпат обращаются взоры к общей матери, православной Руси. Эта любовь трогательна и достойна уважения.

Д-р К. Мачик рассказывает, как он посещал запущенные могилы тех русских, которые во время всемирной войны вторглись в Венгрию и были на вершинах Карпат, на пути к Ужгороду. «Поклонившись праху русских братьев, – рассказывает он, – я обратился к моему крестнику, говоря: “помни, что здесь была Россия, сюда дошла великая Россия”».

Русский Голос, 1929, № 48, 23 июня, стр. 2–3. Ср. статью редактора газеты *Русский Голос* В. Каренина «Победа русского языка в Подкарпатской Руси», *Русский Голос*, 1929, № 37, 16 мая, стр. 1–2.

О самом важном

Союз русских писателей и журналистов в Варшаве взял на себя ответственное дело перед всей русской общественностью в Польше, точнее – перед русской общественностью за рубежом, и еще точнее – перед всей той Русью, которая теперь заявила о своем существовании, презирая политические границы и признав только границы просыпающегося национального самосознания.

Союз русских писателей и журналистов в Варшаве через объявление конкурса русских поэтов обещал показать нам наши собственные силы и разрешить наконец загадку: есть ли у нас будущее.

Ежегодно 8 июня мы произносим с трибуны многозначительные торжественные речи о том единственном, что носит гордое имя Русской Культуры. И вот, в течение пяти лет, пять раз то количество речей, которое следует принять, посчитав острова русской культуры в чужеземном море гостеприимных народов Европы, повторяют бесспорно великие имена Толстого, Достоевского, Пушкина и др. К их величию и значению для второй, скрытой в сердцах, России нельзя ничего больше прибавить, но с каждым годом растет какое-то тревожное «не по себе» и шевелится мысль: «а где же наследники?»

С каждым годом мы с неуследимою скоростью несемся в потоке общечеловеческой жизни – в копоты машин, реве пропеллеров, в гаме споров и звоне оружия. Пропасть между нами и теми, кто жил в восьмидесятых годах – даже в девятисотых, – даже в девятьсот-десятих, расширяется и растет. Картины земного опыта наслаиваются одна на другую: Время теперь стало короче – сон из прошлого... Революция – неправдоподобное минутное видение – кошмар... Лагерь... Русские издательства в Европе... Беженство... Африканские легионы... И только теперь начинается что-то, что нам кажется действительностью, потому что это еще наше тягучее, но зато вполне правдоподобное «сейчас». Миллионы нас бежало из пределов прежней России и осталось за ее стершейся с лица земного границей, мы имеем газеты, мы имеем ораторов и организаторов, мы имеем, наконец, лицо, и сознание самих себя просыпается в нас, и вот только с духом происходит что-то неладное: чтобы похвастаться им перед другими, мы неизбежно должны спрятаться за великими тенями нашего прошлого, потому что только за ними мы чувствуем себя вполне благополучно и в безопасности.

Всё идет вперед, и каждая ступень есть предчувствием следующей ступени. Всё растет, проходя постепенно градации роста... Но только при одном условии: условии жизни. Застывание на точке есть... это очень страшное слово, которое я скажу сейчас... смерть. Когда дух отлетает от жизни, тогда приходит это страшное слово и тогда останавливается рост и кончаются ступени, потому что больше некуда стремиться и незачем продолжать движения.

Если бы это было действительно так, что с какого-либо года, пусть он будет 1910 или 1921, то живое, трепетное, радостное и страдающее, что мы знали под именем русской литературы, оборвалось, застыло – это было бы самым бесстрастным, самым беспощадным смертным приговором для нас.

Те, кто не знают этого, пусть взглянут внимательно и убедятся.

Многokrатно мы в зарубежье писали о той литературе, которая в настоящее время цветет так обильно в Советах. В противовес этому указывалось на удивительное молчание в Зарубежье. Тогда как там молодые писатели появляются как пузыри на реке в половодье и несут новые освежающие бури, здесь всё подобно заводи, закрытой со всех сторон от ветра, на которой зеркалом застыла ничего не говорящая водная поверхность.

Силы молодой советской литературы хаотичны, и что принесут они для будущего, мы не знаем. Мы знаем только одно, что это может быть литература, но не та преемственная носительница заветов старой глубинной, ничего не боявшейся русской литературы. И она сама пер-

вая (молодая советская литература) при всяком удобном случае выскакивает с заявлением о том, что она порвала все традиции, что всё старое ее ничуть не касается и что даже все корни ее и источники новые.

Во все века, во все революции хранительницей духа своего народа всегда была эмиграция.

Так было с французской эмиграцией, так было с эмиграцией польской и это же оправдывается теперь на эмиграции русской.

В жизни духа народа и в каждом творчестве не бывает ничего неожиданного и внезапного; как при возведении здания, здесь кирпич кладется на кирпич, и нельзя построить сразу третьего этажа, если нет еще первого. Революция приходит тогда, когда дом дал трещины и много сору накопилось вокруг него. Как рабочий, она берет молот и раскладывает здание, забыв о первоначальном плане архитектора, не думая о том, на что годилось оно и чему служило. Под ее руками, упоенными процессом разрушения, стены обнажают все свои трещины, оползают, осыпаются и рушатся, подымая желтую пыль к небу. Ненужные наслоения пристроек и гнилые черепицы сметаются в сорную кучу – наконец обнажен фундамент первоначального замысла. Тогда рабочий-революция складывает молот в недоумении, что теперь делать, потому что по своему назначению она не умеет ничего творить. Она должна уступить место тем, кто сохранил память о первоначальном смысле разрушенного, тем, кто в годы бегства и скитания продумал вновь весь план от конца до начала, находя в нем ошибки и открывая незамеченные раньше достоинства, чтобы со свежими силами приступить к творчеству.

Если же они не явятся и их нет... разрушенное так и останется в бесформенной гряде, покрываясь пылью и зарастая травой. Значит, последний час его пробил, и то, что должно было разрушиться, пало от первого направленного на него толчка.

Вот потому-то для нас вопрос «быть или не быть» сосредоточен не в объединении эмиграции вокруг той или иной политической цели и не в том, что может решить о нас Лига Наций, и даже не в том, ведем ли мы активную работу в России или эволюционируют ли большевики, – всё наше будущее зависит от тех нескольких праведников, которые несут в себе частицы великого духа народа, на вершинах которого стояли в прошлом и Ломоносов, и Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и Толстой, и Андреев, и Короленко, и Блок, и многие-многие, длинный и удивительный синодик.

Кое-кого из ровесников славного ополчения мы знаем и теперь, но те, кто сам прошел очистительную печь войны, революции и бесприютных скитаний, – они молчат или имеют слишком тихий голос, в котором мы не узнаем достойных наследников своих великих предшественников. А должно признать, что слово принадлежит именно им.

Мы все очень хорошо знакомы с этой тревогой. Не раз она втайне входила к нам, и мы утешали себя тем, что условия нашего быта сложились так тяжело, что в то время как европейские народы переговариваются из Америки в Австралию, мы ничего часто не знаем о себе не только из страны в страну, но рядом – даже в том же городе, в котором томимся о настоящей жизни. Они есть, но им не дают говорить.

И вот им дали заговорить.

Правда, не всем, но и здесь уже должны были вырваться из случайно расступившихся стен снопы пламени, если не лучи света.

Случайно или намеренно (скорей случайно, потому что сперва концерт, на котором должен был решиться конкурс, назначили просто на более удобный день недели) конкурс поэтов в Варшаве совпал с празднованием Дня Культуры. Всё это было подготовлено, вести доходили утешительные, и вот из замысла не вышло ничего.

Не берусь судить о причинах или критиковать кого-нибудь. Несомненно, и причины и ошибки были, и, может быть, даже с обеих сторон, но совокупность их сложилась в то неизбежное, что часто руководит явлениями жизни и носит имя случайности. Только одно берусь

я утверждать, что это невозможно – невозможно, чтобы их не было, потому что они есть – вернее, их *не может не быть*.

Во-первых, умирает только то, что приняло окончательную последнюю форму в логическом своем развитии. В том же, что мы называем Русской Культурой, мы имеем противоположные течения: к небу и к земле, и только намеки на то, что их можно связать воедино. Испытание революцией должно было огненной пробой проверить всё смутно угадывавшееся гениями старой России.

Во-вторых, силы русского народа следует считать далеко еще не исчерпанными. Хотя всегда он диктовал свою правду интеллигенции, но национальное самосознание только теперь, после грозовой встряски, начинает стихийно просыпаться в нем. Это сырой материал, земляные силы, и рано пророчить его падение. Следовательно, мы имеем больше будущего, чем прошлого. В-третьих же, отвечает сама жизнь:

Несколько лет тому назад в Варшаве я встретился с одним гимназистом. Он тогда только что бежал из Советов и на свободном воздухе почувствовал, что умеет писать и, главное, имеет о чем писать. Первую пробу (я должен подчеркнуть «первую») он послал гостившей тогда в Польше русской литературной знаменитости, которая, прочитав, пожелала лично познакомиться с начинающим автором. Знаменитость, несмотря на проницательность, свойственную знаменитостям, не хотела верить, что мальчик мог показать в такой грандиозной, намекающей на пророческое провидение, форме психологию русского интеллигента, пережившего крушение своих идеалов, ожидающего сначала смертного приговора, а затем расстрела. Тем более что ведь мальчик не мог сам переживать дореволюционных идеалов русской интеллигенции и писал не чем иным, как гениальной догадкой – интуицией. Старый ветеран от литературы прибег даже, я бы сказал, к обидному испытанию, выявив свою редакционную практику, – попросту посадил молодого гостя за отдельный столик и велел написать в своем присутствии что-нибудь первое попавшееся из головы. Потом, удовлетворившись результатом испытания, в беседе он советовал продолжать дальше, а первый опыт нашел настолько хорошим, что предложил напечатать его в газете, в которой сам работал. Но так сложилось, что для газеты произведение это оказалось либо слишком художественным, либо неподходяще длинным. Тогда мой знакомый послал свою повесть в журнал, который тогда редактировала другая русская литературная знаменитость, и получил письмо с сердечным отзывом и обещанием поместить в ближайшем номере журнала. Но как раз на этом номере журнал перестал существовать.

Еще я знаю одного молодого писателя (молодого не в смысле лет, а в смысле знакомства с ним публики), который уже давно признан в подводных течениях зарубежной литературы, но не появляется на ее поверхности по незначительной причине, именно той, что мы не имеем литературных журналов с открытыми дверями для свежих сил. Из всего скопившегося у него в столе материала он собрал книгу рассказов, которую негде печатать. Несколько лет он лишен свежего воздуха живой жизни и даже не имеет новой русской книги. Весь день он исполняет труд чернорабочего. Вечером, возвратившись домой, он ложится на кровать и лежит неподвижно, пока к нему не возвратятся силы. Тогда он садится к столу и пишет. Он проделал военную кампанию, был в плену и бежал из плена, видел близко революцию. Водоворот жизни не давал ему времени оглянуться и продумать происходящее. Только теперь, разбираясь в накопившемся в нем материале, он постепенно приводит его в порядок, сравнивая с довоенными идеалами и ища в нем ответов на вопросы, поставленные этими идеалами. То, что главным образом останавливает его внимание на наследии, оставленном нам от отцов русской культуры, – это Достоевский и Арцыбашев, которых действительно понять и принять вполне стало возможным только пройдя школу великой войны и русской революции. В прошлом году он начал огромное полотно, охватывающее Россию и Запад – войну, плен и революцию, со всеми их язвами и подвигами. Но работу задерживает физическое переутомление и еще пере-

утомление духовное от постоянной безнадежности наконец заговорить полным голосом пред всеми, кто хочет и должен его услышать.

В своей статье о конкурсе русских поэтов, помещенной в 51 номере Русского Голоса, автор ее г-н Н. Червяковский спрашивает, что из себя представляют современные направления в той молодой русской поэзии, которой мы не читаем, потому что ей негде печататься. Между прочим, он задает вопрос, не «прославляют ли они любовь», став «певцами мировой лжи и обмана» (Арцыбашев)^[30].

Я знаком с творчеством одного русского молодого лирика – поэта в настоящем смысле этого слова, а не в том, в каком теперь часто легкомысленно называют поэтами больших детей, забавляющихся вялыми рифмами и бесцветными словами. От каждого его образа веет жгучим солнцем духа. Пройдя религиозно-философскую школу Льва Толстого, он бы не понял выражения «воспевать любовь». Он принимает только всечеловеческое значение понятия любви. Жизнь имеет для него соленый привкус пота, крови и солнца и вся проникнута духом, как лучи Рентгена просекают человеческое тело. До сих пор наша поэзия не поспевала за русской религиозно-философской мыслью и романом. Рядом с гигантом Толстым и Достоевским мы читали публициста в поэзии, Некрасова, и эта пропорция сохранялась до тех пор, пока мы еще могли одновременно учитывать все свои литературные силы. Поэзия, обладающая такой творческой силой, как синтез, на русской почве была всегда позади и уровнем несколько ниже прозы. Сравнивая то, что пишет этот мальчик, с тем, что писали Тютчев, Вл. Соловьев и Блок, – мне кажется, я слышу новый голос, который говорит из глубин, где сплелись «корни существования». Он зарабатывает простым трудом, не имея возможности читать новые и часто даже старые книги, оставаясь в полной глуши совершенно оторванным от течения современной жизни. Что бы он дал нам, если бы был перенесен в условия действительной жизни!

Как-то уже очень давно я обратил внимание на один очень талантливо написанный рассказ, напечатанный в газете (тогда еще часто литературный материал неизвестных авторов проникал в газетные подвалы). Я заинтересовался его автором и наводил справки, кто он и в каких находится условиях, пока не узнал, что он существует с семьей простым заработком в одном глухом местечке на окраинах. С тех пор я не встречал его фамилии в печати.

Если я, обладающий таким скромным кругозором, мог столкнуться в жизни с двумя-тремя праведниками, на которых зиждется наше общее будущее, то сколько же должно быть их разной силы и значения, в тяжелых условиях и безнадежной неизвестности продолжающих великое дело русской культуры! Можно ли вообще вызвать на свет их силы каким-либо литературным конкурсом? Не знаю. Одно ясно, что для этого необходим единственный свободный конкурс – открытое соревнование перед лицом России – литературное издание, в котором бы нашло выход их художественное дарование. Учреждения такого конкурса – журнала, в который могла бы плотной прорваться скопившаяся под спудом молодая зарубежная литература, уже несколько лет безрезультатно ждут русские люди. А между тем мы готовы на всевозможные бескорыстия и геройства, но только не там, где дело касается спасения самого важного – нашего духа.

Когда из советской России несколько старых писателей послали очередное обращение к общественной совести Европы^[31], маленькая группа нас решила, наконец, тоже написать протест от молодых сил зарубежья, даром пропадающих по медвежьим углам в несвойственной черной работе в то время, как некоторые умники занимаются самоуничтожением в пользу советской молодой литературы. Мы писали, что неизвестно где бы оказался перевес, если бы это так же поощрялось, как поощряется в Советах. Мы требовали хотя бы только того, чтобы эти неизвестные силы были приняты в расчет^[32].

Свое обращение мы послали в газету с просьбой напечатать его.

Газета нашего обращения не напечатала, больше того – даже ничего не ответила личным письмом, замолчав нашу «неприличную» выходку.

Мы не боимся этого.

В течение 12 лет судьба требует от нас только подвигов. Рано или поздно силы, находящиеся под гнетом, обнаружатся. Россия имеет будущее, русская культура – своих подражателей, и мы можем жить спокойно в твердой уверенности, что дух не отлетел от нас и где-то существуют те незаметные праведники-пророки, от которых зависит наше спасение.

От редакции: Помещая настоящую актуальную статью, редакция считает нужным подчеркнуть всю важность затронутой темы. У нас создалась действительно удручающая, нездоровая обстановка. Нашей литературной молодежи действительно негде работать. Более того, зачастую будучи лишена возможности посвящать хотя бы только урывки своего времени творчеству, она гибнет, уходит в своеобразное моральное подполье, зачастую теряется бесповоротно.

Этого быть не должно. Необходимо принять меры. Смена смен в лице нашей молодежи должна получить возможность жить и творить свободно и продуктивно. Рукописи, застревающие в столе автора, – это работа мертвая, не воодушевляющая на дальнейшее. Автор должен иметь возможность печатать то лучшее, что он создал.

Поэтому-то и обращаем внимание нашей широкой общественности на инициативу, исходящую притом из кругов самой молодежи, – попытку предпринять с осени этого года издание своего журнала. Не говоря уже о важности издания русского журнала вообще, мы полагаем, что все наши передовые люди откликнутся на призыв, помещенный нами в предыдущем номере. Молодежь должна получить свою трибуну!

Русский Голос, 1929, № 56, 21 июля, стр. 2–3; № 57, 25 июля, стр. 2–3.

<Самокритика>

Отдел «самокритики» может стать полным и интересным отделом не только для сотрудников журнала, но и для рядового читателя. Надо только, забыв все личные побуждения соревнований и самолюбий, взяться вдумчиво и самоотверженно за дело.

Но, берясь судить о достоинствах того или иного произведения, будь то стих или рассказ, нельзя руководствоваться исключительно соображениями элементарной грамотности или неясными личными ощущениями. Чтобы судить о том или ином произведении, необходимо иметь хорошо продуманное и законченное мнение о том, каким должно быть современное художественное произведение. Мнений таких может быть много, столько же, сколько и взглядов на этот предмет. Но среди таких мнений, уже высказанных умнейшими людьми человечества, наиболее близким и применимым к нам, русским, будет, очевидно, мнение великого русского мыслителя Льва Толстого. И его-то мнение я и беру на себя смелость написать в качестве нового отдела «Москвы».

Лев Толстой отличал следующие три главных признака истинного произведения искусства:

«1) *Содержание произведения*: чем содержание значительнее, т. е. важнее для жизни людской, тем произведение выше.

2) *Ясность изложения* или красота формы, что одно и то же.

3) *Искренность*, т. е. непритворное чувство любви или ненависти к тому, что изображает художник»^[33].

«Необходимо, – говорит Лев Толстой, – чтобы автор сам живо чувствовал изображаемое им. Без этого условия не может быть никакого произведения искусства, так как сущность искусства состоит в заражении воспринимающего произведения искусства чувством автора! Если же автор не почувствовал того, что изображает, то воспринимающий не заражается чувством автора, не испытывает никакого чувства, и произведение уже не может быть причислено к предметам искусства»^[34].

«Искусство вообще есть передача всякого рода чувств – но искусством, в тесном смысле этого слова, мы называем только то, которое передает чувства, признаваемые нами важными»^[35].

«Искусство не есть наслаждение, утешение или забава: искусство есть великое дело. Искусство есть орган жизни человечества, переводящий разумное сознание людей в чувство»^[36].

Эти определения художественного произведения и искусства, сделанные Львом Толстым, взяты мною из его предисловия к сочинениям Мопассана и из статей «О Шекспире» и «Об Искусстве».

Москва (Чикаго), № 5 (15), 1930, май, стр. 16. Заметка открывала раздел самокритики, вводимый с этого номера в журнале. Вслед за ней шла статья Вл. Гриненко, выступлениями которого этот раздел впоследствии и исчерпывался.

Об основах русской культуры

Эту свою работу посвящаю народу Карпатской Руси

Важно не количество знаний, а качество их. Можно знать очень много, не зная самого нужного.
Лев Толстой

Культура – слово не русское, и понятие, которое это слово выражает, – тоже не русское.

Когда говорят про какой-нибудь народ, что он культурен, то этим хотят сказать, что этот народ имеет какие-нибудь знания, что он в каком-нибудь смысле образован.

Когда же говорят о культуре народа, то этим говорят о всем том, что входит в жизнь этого народа, причем решительно о всем – о хорошем и дурном, только бы оно входило составною частью в его жизнь, отличную от жизни всех остальных народов.

И вот потому-то, что словом *культура* определяют решительно всякое знание и всякую часть жизни народа, не отделяя хорошего от дурного, а тем самым не заботясь о том, что хорошо и что дурно, что следует продолжать делать, а что нет, я и сказал, что и понятие, выражаемое словом *культура*, не русское.

Все истинно русские мыслители никогда не были только мыслителями, но прежде всего учителями, и весь смысл всякого знания видели в отделении хорошего от дурного, а не в бесполезном и утомительном складывании в своей памяти решительно всего только потому, что оно существует в жизни.

То именно, что мы связали с нерусским понятием *культура* – наш единственный национальный праздник, назвав его *Днем Русской Культуры*, – не должно отвлекать нас на ложный путь исследования русской жизни. Особенно теперь, ввиду того несчастья, которое стряслось над нашей родиной, не собирателями нам надо быть бесчисленных явлений нашей жизни, а вдумчивыми и глубокими исследователями того, что связывает в одно все эти бесчисленные явления.

Следует помнить, что культура каждого народа имеет свою оценку в той вере, которая живет в этом народе, а потому и в основу изучения его жизни нужно положить именно эту веру. Только путем такого исследования мы найдем самое необходимое в нашем положении, то (без чего всё исследование праздная и ненужная забава), чем нам руководствоваться и что нам делать теперь, когда мы переживаем тысячи страданий, гонений и внутренних сомнений и когда мы, наконец, сознательно боремся за строительство новой России.

Вот с этой-то стороны я и подхожу к теме Русской культуры, и предмет моего изучения есть только часть этой культуры, но часть самая существенная – то, что соединяет в одно целое все явления ее жизни, что дает им оценку и без чего они лишились бы всякого смысла – это есть русская Вера.

Вера народа живет бессознательно в каждой единице, составляющей его целое, и потому каждая такая единица уже несет в себе народное духовное начало. Но лишь лучшим из них, особенно одаренным сознанием духовного начала, дано ясно ощутить в себе и указать на него другим людям. Эти исключительные единицы являются источниками, выносящими наружу из горных недр своего народа прозрачные воды его духа, и их слова служат единственным и истинным выражением того, во что верит, что любит и чем живет их народ.

Культура каждого народа имеет свою единственную оценку в духовном начале этого народа; духовное же начало народа выражается в словах и жизни его лучших людей, особенно одаренных сознанием этого духовного начала. И, таким образом, всякое изучение культуры

должно в основе своей исходить из изучения этих лучших и особенно одаренных людей как выразителей совести и веры своего народа.

Таковыми лучшими людьми и учителями для нас, русских, были Достоевский и Лев Толстой, ясно сознавшие и выразившие своему народу его истинное назначение в жизни, его дух, всегда скрыто таившийся в нем. И потому-то каждому русскому для того, чтобы соединиться с жизнью всего своего народа, т. е. найти смысл своей жизни, всегда слитый со смыслом жизни всего народного целого, прежде всего необходимо хорошо знать основу того, чему учили эти его лучшие люди и учителя.

Этому-то исследованию основ учений Достоевского и Льва Толстого я и посвящаю последующие главы своей работы, чтобы тем самым помочь разобраться себе и другим русским людям в том, что следует нам делать для спасения и блага своей страдающей родины. Нам нет дела до того, что некоторые мелкие и недостойные люди поспешили унижить их своей клеветой и глупостью, но твердо помнить, что нам важно в них не их временное и человеческое, а вечное божеское, которое жило в их разуме и душах. Помня же это, знать еще и то, что они всю свою жизнь мучились и горели в желании добра каждому человеку, что в них не было ничего нарочитого, скрытого или лживого, но что, напротив, ими владела истина и любовь ко всему живому. А зная и помня это, дать им заслуженную ими награду, т. е. просто и честно открыть им свои души и на своей жизни проверить их самоотверженное учение, о чем они и просили только всегда всех людей.

2

Федор Достоевский родился в Москве в 1821 году. Отец его, сначала военный, потом гражданский врач, понимал благо своей семьи в эгоистическом, обособленном от остальных людей счастье и, насколько умел, ограждал ее от всякого внешнего, постороннего влияния. Так что Достоевский в продолжение всего своего детства и ранней юности почти ничего не знал о человеческих несчастьях, унижениях и пороках, которые могли бы поразить или дурно повлиять на его неприготовленную душу. От природы же он был слаб здоровьем и страдал сердечной болезнью. Когда ему исполнилось 16 лет, умерла его мать, а на следующий год он поступил в военное инженерное училище, где дети богатых и знатных родителей готовились к тому, чтобы занять в жизни доходные и привилегированные места. В училище этом Достоевский тяготился казенной обстановкой, военной муштровкой и пустотой жизни товарищей и стал искать спасения в книгах и занятиях. Уйдя же в себя и закрывшись от внешнего мира, чего требовали его робость и неподготовленность к жизни, он открыл в себе дарование писательства и, не рассуждая, отдался ему. Самозабвение его доходило до того, что тайком от дежурного офицера он вставал по ночам с кровати в одном белье и писал при свете огарка до раннего утра.

Окончив инженерное училище, Достоевский отнес в редакцию одного из толстых журналов первое свое писание, и оно принесло ему неожиданный и небывалый успех. На него обратили внимание большие люди литературного мира, и Достоевский был принят в их кружках и кружках передовой молодежи того времени.

Но жизнь готовила Достоевского для более великого и достойного дела. Как жертву она берегла его не только для одного круга интеллигентного общества и не только для своего времени, но для вечности всего русского народа.

В то время в России правящий класс был напуган французской революцией и революционным брожением во всей Европе и особенно подозрительно относился ко всему тому, что хотя бы отдаленно напоминало опасные идеи. Правительство, не зная, как бороться внутри страны с вольнодумною болезнью, решило оградить от нее Россию, как ограждают в карантине здоровые местности от зараженных: мысли и книги, подверженные этой болезни, были запрещены для ввоза и за них преследовали и подвергали наказаниям. Кружки же, в которых

бывал Достоевский, занимались как раз тем, что сходились для обмена свободными мнениями и перетолковывания запрещенных книг и вопросов и тем самым невольно распространяли опасные идеи. И хотя никаких задач или организаций в этих кружках тогда еще не было, но и этого уже было достаточно.

За кружками установили надзор, и когда нашли, что обвинительного материала скопилось достаточно, ничего не ожидавшие молодые люди были арестованы и отданы под следствие. Следствие тянулось долго, и наконец судьи вынесли приговор, жестокий, несоразмерно с виновностью осужденных, и не пощадивший никого, даже хотя бы только отчасти замешанного в деле, как это было с Достоевским. Все обвиненные, по большей части очень молодые люди – Достоевскому тогда было 28 лет – были приговорены к смертной казни – к расстрелу.

Казнь должна была совершиться на Семеновском плацу. Приговоренных привели, заставили взойти на эшафот и здесь, продержав их в предсмертном томлении, им прочли перерешение суда, по которому им даровалась жизнь и смертная казнь заменялась другими наказаниями. Достоевский, переживший вместе с другими эти несколько минут на эшафоте, был приговорен к ссылке в каторжные работы на четыре года, а отбыв это наказание, должен был отслужить еще простым солдатом, рядовым, в одном из сибирских батальонов. На третий день после комедии на Семеновском плацу Достоевского отправили в Тобольск, откуда он уже пошел пешком, закованный в кандалы, с партией простых арестантов.

Достоевский пробыл в ссылке в общей сложности около десяти лет, пока не вышло помилование всем осужденным по одному с ним делу. И вот здесь-то в нем и произошел переворот, сделавший из него то, чем он теперь есть для нас. Произошло это оттого, что на каторге глаза Достоевского открылись на многое, чего он не замечал или просто не знал раньше.

Хотя, уходя в Сибирь, Достоевский и утешал себя тем, что везде есть люди, но он всё же не мог по своему ложному воспитанию не чувствовать своего преимущества перед населением каторги – отбросами человечества. Но простые люди, с которыми он столкнулся там, дали ему урок того, что одно должно считаться людьми истинной жизнью. Вся его поверхностная европейская ученость, всё его прежнее оправдание праздной и роскошной жизни, которым он жил и которое состояло в том, что он, ученый человек, потому и живет на чужом труде и чужих лишениях, что возмещает им за их труд и лишения своей европейской ученостью, – оказались вовсе неприменимыми в той жизни труда и лишений, где он как раз и готовился их применять. Наоборот, они только отделили его и сделали его чуждым и непонятным простому народу, который относился к нему иногда прямо враждебно, иногда же так, как относятся к детям – с преувеличенной снисходительной заботливостью. Кроме того, Достоевский открыл в окружающих его арестантах, людях, прошедших все человеческие жестокости и, казалось бы, озлобленных насилием, не только простое человеческое чувство, но и глубокое понимание своего и чужого страдания и того, что действительно нужно человеку в жизни. Всё это, взятое вместе, окончательно перевернуло внутренний мир Достоевского.

Он понял, что помимо людских изменяемых законов существует Божеский неизменный закон, всегда живущий в душе каждого человека. Поняв же это, Достоевский восстал всей глубиной своего разума и сердца против всякого человеческого наказания и суда, потому что единственный свой суд и свое наказание человек находит в Боге, которого рано, поздно ли ощутит в своей душе, и что к этому ощущению в своей душе Бога и ведет человека вся его жизнь – все ее страдания, сомнения и унижения. Всякое же наказание человека человеком, которое к тому же может быть и часто бывает ошибкой, как произвольное насилие, всегда останется только насилием, ничего не исправляющим, но вызывающим в душе человека противоположное любви чувство – ненависть и тем самым убивающим в душе Бога. А нет более страшного преступления, как убить Бога в человеческой душе.

Выйдя из каторги, Достоевский отдался работе: он написал много книг, в которых пытался выразить свое новое понимание жизни и человеческих отношений. Каждое свое слово

он вынашивал в себе, мучаясь всеми муками, свойственными великим и много любящим душам. Выражал же он свои мысли всегда так, что, изобразив с жуткой правдой все страдания, унижения и заблуждения людей, он, как контраст им, выставлял возможность и доступность для всех высшей свободы и блага – только бы люди поняли и искренне пожелали их.

Долги, от которых он никогда не умел освободиться, семья и болезнь мешали Достоевскому серьезно остановиться на своих мыслях и до конца продумать их. Он не успел привести в систему и последовательно разработать свое учение. Всё, что он оставил нам, это, если не считать его публицистических статей, – романы и повести, так что маловнимательный читатель, увлеченный их занятностью, может пройти мимо основных идей и мыслей Достоевского, щедро рассыпанных по их страницам. Но стоит обратить на эти идеи главное внимание, как перед каждым, сделавшим это, встанет всё то, что хотел вложить Достоевский в сознание и сердце своего читателя. Желал же он вложить в его сознание и сердце только то, что могло быть для каждого лишь радостным и ничем не возмутимым благом.

3

Наиболее важную и глубокую часть учения Достоевского можно свести к следующему.

Главное и единственное руководство в жизни человека есть христианская, всечеловеческая и – больше – вселенская любовь. Любовь самопожертвованная, заключающая в самой себе все свои награды и потому не требующая никаких других наград или благ и не боящаяся никаких испытаний или унижений. Обладание такой любовью дает человеку совершенное счастье; прийти же к ней можно только самому, страстно и мучительно желая этого.

Любить же надо не боясь ничего: ни человеческого греха, ни уродства, ни ненависти, совершенно и до конца отдавая себя любви и забывая о себе. И любить – всё, весь мир и всю жизнь: в их целом и в каждой отдельной песчинке. Только через любовь, направляющую вместе с заботливостью и всё внимание человека на то, что он полюбил, можно понять смысл и тайну каждого существа и каждой вещи. А поняв их однажды, человек уже не остановится на этом пути и кончит тем, что полюбит весь мир всеобъемлющей любовью.

Весь остальной мир, кроме человека, совершенен. Каждый луч, каждый лист, каждая пушинка на крыле птицы и на теле зверя радуются общему совершенству, в котором они участвуют сами. В животных нет человеческой корысти, умышленной злобы и греха. Незлобливость, доверчивость и красота «лика» животного должны бы всегда напоминать об этом человеку, так часто неоправданно и жестоко вымещающему на животном свою злобу за всю его кротость и привязанность. Среди совершенной природы один человек, не замечая ни мира, ни подобных ему существ, проходя мимо них, оставляет после себя след страдания, ненависти и соблазна.

Всё проклятие и зло современной человеческой жизни происходят только от того, что человек забыл о единственном законе любви. Человеческий мир стоит на основе ненависти, разделения, желания каждым блага для одного себя, корысти, насилия и убийства. Вещей накопили много, а радости стало мало. Все живут ради чванства друг перед другом, ради зависти и удовлетворения всё новых и новых прихотей обжорства, распутства и лени. Каждый человек старается отнять как можно больше у другого и как можно больше заставить работать на себя другого. Одни развратились в своих безумных прихотях и готовы ради удовлетворения их на какое угодно преступление, другие гибнут в зависти к ним, и чем дальше, тем больше люди отъединяются друг от друга, веря только в свои личные силы, не доверяя ни одному из их окружающих, трепеща потерять то, что они имеют, и мучась желанием получить еще больше.

Невозможно, чтобы люди не сознавали всего зла своей жизни, но, сознавая его, они обвиняют не себя в этом зле, а делают тот удивительный по безумию своему вывод, что если зло существует, то так и должно быть; надо только по возможности уложить зло в систему, придумать ему порядок, чтобы заглушить совесть в тех, кому она приносит страдание. Этим-то

делом оправдания существующего зла и занимается современная европейская наука. То, что эта наука на словах обещает дать людям счастье и благополучие, никогда не может совершиться на деле, потому что ее главная, хотя и скрытая, задача – оправдание зла человеческой жизни. Для этого она изгоняет из области своего изучения всю высшую и лучшую часть человека, а занимается изучением только того, что можно видеть, слышать и осязать. Дух же осмеян и унижен ею до того, что объясняется переменной материи в нашем деле. Из этого объяснения следует, что всё то, что мы, ощущая в себе, привыкли считать лучшей, возвышенной частью своего существа, – один обман, и руководствоваться надо не этим возвышенным и лучшим, а как раз самым низменным и животным, т. е. если я голоден и могу безнаказанно для своего существа перегрызть горло другому такому же существу, то и перегрызть ему горло, не смущаясь удерживающим голосом своей совести.

Но, думая устроиться справедливо на началах, отвергающих высшую справедливость, люди кончают тем, что заливают мир кровью. То, что мир идет к этому, сознано уже давно наиболее совестливыми и правдивыми людьми, и многие уже мучительно думали о спасении мира – немедленном переустройстве человеческой жизни. Но, привыкнув потакать своим прихотям и потеряв опору в голосе своего непризнанного ими разума, люди инстинктивно боятся всякого труда и особенно самого требовательного и жестокого труда над самим собою, того труда, который единственно может изменить их жизнь, и потому переустроить мир они хотели бы самым легким способом – выдумав новый порядок и учредив его в жизни при помощи того же насилия и на основе того же разъединяющего личного благополучия. Но это всё равно что переливать из пустого в порожнее. Все революции, казалось бы, должны служить лучшим предостережением от такого насильственного *учреждения* блага на земле, а особенно наша русская революция, взявшая себе в основу все новейшие теории современной европейской науки о человеческом обществе и, последовательно следуя выводам науки, изгнавшая из своей жизни Бога, – русская революция, которую с такой болью и страданием предвидел и предсказал Достоевский.

4

Жизнь людей, учит Достоевский, изменится к добру только тогда, когда каждый человек сам станет добрым. Братство людей наступит только тогда, когда каждый почувствует себя каждому братом. Любовь придет к людям только тогда, когда каждый полюбит всякого живого человека не отвлеченной выдуманной любовью, готовой даже на подвиг, только бы другие смотрели и хвалили, но настоящей деятельной любовью, забывающей о себе, всю себя отдающей простым нуждам всякого, кто сейчас находится перед нею.

Это до того очевидно каждому человеку, который честно и правдиво захочет задуматься над жизнью, и так давно уже сознано и высказано человечеством, что удивительно и непонятно то, что, зная свое спасение, люди продолжают оставаться в безумном и губительном самообмане. Но к этому есть много причин, и одна из них – трудность достижения истинной, деятельной любви. Да, это жестокий труд, а для иных «целая наука», и люди приходят к деятельной любви двумя путями: через ужас перед своею гибелью и через познание радости открывающегося им спасения в любви. И Достоевский твердо верит, что люди, может быть даже очень скоро, поневоле придут к этому спасению.

Тем же, кто уже достиг познания деятельной любви, он дает на их новом пути следующие предостережения – пять требований любви.

Во-первых: *избегать и бояться лжи, всякой лжи и особенно лжи самому себе*. Верящий своей лжи кончает тем, что уже теряет всякое различие правды и в себе, и в окружающем его и тем самым перестает уважать и себя и других. Не уважая же никого, перестает и любить. Человек же, не имеющий любви, чтобы заполнить свою жизнь, отдается страстям и доходит в пороках до скотства и безумия. Лгущий себе часто выдумывает себе и обиду, для красоты

принимает на себя роль обиженного всеми так, что быть обиженным даже доставляет ему удовольствие, а через это он доходит и до самой глухой и озлобленной ненависти и вражды.

Во-вторых: *Никого не судить никаким судом и особенно тем, который, осуждая, выносит приговор и наказывает, но всегда помнить, что всяк и за всех виноват.* Судить преступника может только тот, кто познает, что он и сам такой же преступник, потому что он мог бы примером своей любви предохранить злодея от его преступления и не сделал этого. Все преступления происходят оттого, что люди складывают свою лень и бессилие своей любви на других, что они проходят мимо душ человеческих, начиная с того часа, когда эти души еще в детском невинном тельце, и кончая тем опасным периодом жизни, когда в них начинает зреть ненависть на весь мир. И потому каждый человек должен не судить преступника, но принять на себя все его преступления и понести за него душевную и телесную муку, а его отпустить без укора и даже без слова осуждения.

В-третьих: *всегда, каждый час и каждый день смотри за собою, чтобы не оставить какого-нибудь следа зла в другой человеческой душе.* Даже во внешнем виде своем человеку должно воспитать деятельную осмотрительную любовь. Человек не может знать, какое семя зла он заронит в другого человека (особенно незащищенного ребенка) дурным словом, гневным движением или хотя бы только одним недобрым и мрачным видом. Не только людям, но и зверям было бы легче около человека, если бы он сам был весь проникнут душевным спокойствием и любовной заботливостью ко всему.

В-четвертых: *не только не требовать от других себе служения, но, напротив, самому перед всеми быть слугой, ходить за каждым человеком, как за ребенком или как ходят за больными.* Хотя бы кругом были злые и бесчувственные люди, то и тогда человеку должно служить им молча и в унижении, никогда не теряя надежды вызвать и в них любовь своею любовью и всегда помня, что в их озлобленности виноват он сам, а при случае просить у них за это прощения. Если бы даже они и прогнали его от себя и он остался бы один, то пусть он падет на землю и целует ее и омочит слезами – и земля даст плод от этих слез, хотя бы их никто не видел и не слышал. Человек должен помнить, что свет, живущий в его духе, – бессмертен и, когда умирает тело, свет этот продолжает жить и светить людям. Не одни, то другие спасутся от него, не теперь, то после, но всё равно – рано ли, поздно ли – спасутся. Необходимо только одно: неустанно делать добро, служа людям так, что, вспомнив во время сна ночью, что он не исполнил, что надо было исполнить, человек должен немедленно встать и идти исполнить. Неустанно же служа людям, человек не должен искать никакой награды, потому что он уже имеет свою награду – духовную радость, приобретаемую любовью.

В-пятых: *не бояться страдания, смотря на него как на руководство в пути к добру, и искать в нем поучение и скрытый смысл.* Понятое страдание очищает человека и руководит его любовью. Если же есть какое-нибудь действительно не могущее быть возмещенным страдание, то это страдание о том, что нельзя больше любить. Один раз в вечном бытии мира дается маленькому смертному человеческому существу возможность сказать: «я есмь» и «я люблю», возможность деятельной живой любви. Только для того и является человек на землю в рамки земных сроков и пространств, чтобы проявить этот бесконечный и бесценный дар. И вот, отказавшись от этого дара, человек переживает истинное неутолимое страдание, которое жесточе всех телесных мук, – когда бы он ни переживал это страдание: в ином мире, за минуту до смерти или в одно из мгновений своей злой жизни.

Достигнув любви, человек откроет в себе и во всех окружающих его людях и во всем мире единственное начало и истинную сущность всего существующего – Бога. Что такое Бог и что лежит по ту сторону смерти и жизни, человеку не дано знать, да и не нужно: ему дано – нужно знать только то, что Бог существует и что есть иной мир всеобъемлющего духа, открывающийся нам только в любви и через любовь. Из этого иного мира Бог взял семена, говорит Достоевский, и, посеяв на земле, взрастил свой сад; и ростки Божьего посева живы ощущением высшего

мира, откуда взяты их семена. Если это ощущение ослабевает или уничтожается в душе, то умирает и возвращенное в ней, и становится душа равнодушна к жизни и даже возненавидит жизнь.

Найдя Бога, тем самым человек найдет и веру и дар молитвы, которые уже укрепят его на пути любви и дадут ему силу вызывать ту же любовь в других людях. А когда все люди увидят, пойдут и пожелают радости и спасения любви, тогда на земле наступит то, для чего всё создано, – ненарушимое, свободное счастье, мир и истинная жизнь.

Что это не мечта, не слепая вера, но реальная и даже неизбежная для всего человечества действительность, в этом может убедиться каждый человек – ему достаточно проверить на самом себе силу деятельной любви, пожелав и достигая ее в своей жизни.

5²

То, что Достоевский брал больше чувством и своей гениальной догадкой, Лев Толстой развил в стройную и законченную систему.

Учение Толстого широко и многообразно, потому что охватывает собою все стороны человеческой деятельности и жизни, но по существу своему оно, как и всё великое и истинное, просто и кратко.

Жизнь, говорит Толстой, можно ощущать двумя способами: как постоянное изменение своего тела в росте и сознании, оканчивающееся смертью – уничтожением их, и – как неподвижное, всегда равное себе духовное существо, которое человек признает собою. Но первое ощущение жизни, как постоянного изменения тела и сознания, есть только недодуманность. От младенчества до старости и внешний вид человека, и его сознание всё время меняются, так что человек в разные периоды своей жизни меняет несколько непохожих друг на друга наружностей и сознаний. И, тем не менее, он всю свою жизнь не перестает ощущать себя только самим собою. Происходит это благодаря его внутреннему невидимому «Я», о существовании которого знает каждый ребенок, когда говорит «я люблю это и я не люблю этого».

Основное свойство человека – любить одно и не любить другое – и есть та внутренняя спайка, благодаря которой он есть тем, чем он есть – отдельной от остального мира личностью, по-своему мыслящей, чувствующей и живущей. Через это свойство человек выбирает из всего, что видит и узнает в окружающей жизни, только то, что он любит, и проходит мимо того, чего он не любит, создавая свой особый, отличный от других, мир мыслей, чувств, знаний и намерений, благодаря которым живет и поступает только присущим ему образом жизни и поступками.

И чувствует человек жизнь не своим телом и не своим сознанием – проявлениями ее, но только этой своей глубочайшей частью. Чувствуя же жизнь только в себе, он сначала полагает ее благо, т. е. то, чтобы не испытывать страдания, в благополучии своей отдельной от всего остального мира личности. Но неизвестно когда, как и почему, в нем начинает просыпаться божественная сущность, открывающая ему его отношение к миру и жизни, – разум.

² Изложение биографии Льва Толстого не входит в мои задачи: жизнь его бедна внешними толчками, которые бы влияли на переворот в его внутреннем мире. Родился он на семь лет позже Достоевского и пережил его почти на 30 лет, окончив жизнь восьмидесяти одного года от роду. Происходил он из графской аристократической семьи и был воспитан в условиях праздной жизни, которую впоследствии сознал дурною. Пятидесяти лет, на вершине своей литературной славы, он резко переменил свой взгляд на жизнь и начал писать свои статьи, сделавшие его всемирно известным религиозным мыслителем. Большую часть жизни он прожил в своем имении «Ясная Поляна», где принимал посетителей, приезжавших к нему со всего света, и откуда письмами и статьями говорил человеческой совести, убеждая людей одуматься и положить в основу своей жизни не насилие, а закон христианской любви. Есть письма Толстого, обращенные к видным общественным деятелям и к царю, в которых он заступает за гонимых и осужденных и пытается направить политику и управление к тому, что лежит в основе русского духа, – к любви и всепрощению и тем спасти Россию от угрожающей ей гибели. С ранних лет Толстой стремился к самоулучшению и развитию в себе силы воли и настойчивости на этом пути. Благодаря этим двум качествам он не только стал лучшим человеком среди своих соотечественников, но и принес много пользы и блага всему человечеству.

Разум не есть ум. Ум имеют и животные. Ум – это способность понимать и соображать условия внешней жизни, практическая изворотливость и оправдание противоречий между поступками человека и требованиями его разума. Разум же стремится подчинить себе животную личность и ум человека, чтобы сделать для него яснее существование и волю его внутреннего «я». Это есть то, что мы в просторечии называем совестью.

Благодаря разуму человек начинает понимать, что не он один хочет своего блага, что он окружен другими живыми существами, имеющими такое же, как и он, право на жизнь, и что истинное благо есть только то, которое не уничтожается борьбой между живыми существами, страданием и смертью. Для каждого человека, прислушивавшегося к голосу своего разума и не поспешившего избавиться от его вначале пугающей правды, становится уже невозможным жить только для себя самого, и он употребит все свои усилия на поиски пути ко всеобщему благополучию. Тот же, кто вступил на этот путь, тем самым уже осознал себя духовною личностью – ощутил свое «я» не как случайное и смертное существо, а как вечное и бесконечное начало, заложенное в существо человека вместе с дыханием жизни еще прежде первого ощущения и первой мысли. А ощутив в себе духовное начало, человек поймет то, что истинный рост, истинное движение вперед имеют не его тело и сознание, а эта его сущность, стремящаяся к благу для всего существующего, и тогда положит свою жизнь в одном этом движении – увеличении любви.

С этого времени человек начинает видеть и во всех остальных существах тоже духовное начало, с тою же разумною способностью желания общего блага, и тем самым сознает жизнь не как жизнь своей отдельной личности, но как жизнь всех существ в мире. Тогда человек сливается внутренней своей духовною сущностью с другими существами, пришедшими в жизнь с тем же, как и он, свойством любви.

Любовь же – только необходимое руководство для каждого человека в его жизни с ему подобными существами, любовь – это то, чем он ощущает жизнь, что единственное в нем имеет истинную жизнь; это его естественное состояние, это то, что мы зовем духом человека, своею постоянною неизменною личностью, своим «я». Только через эту способность мы имеем сознание своей общности со всем остальным миром, можем понять страдание и стремление к благу в другом живом существе; через нее с нами просиходит то, что, живя, мы не можем представить себе своей смерти, но сознаем себя бессмертными. Без сознания в себе любви человек не ощущал бы себя живым неизменным «самим собою», он не был бы способен понять, что другое существо может тоже желать себе блага, и не выходил бы из состояния ужаса перед лишениями, страданиями и смертью.

Откуда, когда, как и зачем случилось то, что желание блага всему существующему оказалось заключенным в пределы отдельного маленького существа человека? Знать этого нам не дано, да и было бы излишним. Причина и воля, заключившая в человека жизнь, – любовь, может, и не носит никакого имени, но для своего удобства люди называли ее Богом. Человеческому сознанию может быть доступно только понимание целесообразности этого проявления высшей Воли: если бы желание блага всему существующему находилось не в отдельном существе, оно бы не знало о себе и оставалось бы всегда равным самому себе; но будучи заключено в пределы отдельного существа, в человека, оно сознает себя и свою бесконечность и, сознавая, стремится обнять всё существующее. И в этом непрерывающемся расширении области любви и заключается сущность истинной жизни человека в мире, выполнение им воли Бога.

Так Толстой приходит к основному положению своего учения: истинное ощущение в себе жизни человеком есть желание блага всему существующему – признание других существ собою – любовь. А то, что в каждом отдельном существе проявляется любовью, есть Бог, и потому познать Бога можно только через любовь.

Верить в любовь значит признавать, что основное начало жизни нашей есть непостижимое для нас существо, проявляющееся в нас любовью, – Бог. Любить Бога в себе значит стре-

миться к высшему совершенству любви, и любить Бога в других людях значит признавать в каждом человеке того же Бога, который живет во мне, и потому делать каждому человеку не то, что бы хотел сам человек, но чего хочет Бог, живущий во всех людях.

Человек, дошедший до сознания Бога через любовь, заложенную и выросшую в нем, уже не может не помнить всегда о присутствии в себе Бога и исправлять и уничтожать в себе всё, что несовместимо с Его присутствием в душе человека, и уже не может не только не вредить ближнему, не оскорблять, не унижать другого человека, какой бы он ни был, но уважать, почитать его, как самый священный предмет, какой только есть на свете.

Всякая сознательная жизнь состоит в стремлении и потому всегда имеет перед собою какую-нибудь цель. Если одна цель, будучи достигнута, перестает быть целью, то место ее сейчас же заступает новая цель. Только жизнь, основанная на желании блага всему существующему, постоянно имеет перед собою одну-единственную цель, как одно неизменное направление к совершенствованию чувства любви. Цель эта, очевидно, не может быть достигнута, но в постоянном стремлении к ней и заключается смысл истинной жизни. Имея это в виду, Толстой так говорит о цели жизни: цель жизни есть проникновение всех ее явлений любовью – есть медленное постепенное претворение злой жизни в добрую, есть творчество истинной жизни – есть рождение истинной, т. е. любовной жизни.

Ощущать жизнь, жить истинной жизнью, можно только через любовь – желание блага всему существующему. Любовь же есть проявление Бога в человеке, и потому, живя, нельзя не исполнять воли Бога. Чем сознательнее человек исполняет Его волю, тем он свободнее от страха перед страданиями, лишениями и смертью и тем больше радости он получает от сознания своей близости с делом осуществления всеобщего блага в мире. Человек – орудие, через которое высшая сила делает свое дело, и ему остается только подчиняться этой высшей силе; подчиняться же ей можно только тем, чтобы «любить людей, проявлять любовь, заражать любовью, заставлять их верить в любовь».

6

Толстой учит, что выполнение воли Бога требует от человека усилия и работы. Чтобы выполнить волю Бога, надо человеку делать Его дело восстановления в мире всеобщего блага. Для того же, чтобы делать Его дело, нужны две вещи, слитые воедино, – разум и любовь, добро и истина. Нужно, чтобы разум был любовен, т. е. чтобы деятельность человека имела целью любовь, или чтобы любовь была разумна, т. е. чтобы любовь не противна была разуму. Добро произойдет только от разумной, проверенной на истине, любви, и истина – только от деятельности любовного, имеющего целью добро разуму.

Это тем более следует помнить, что человека на пути любви встречают сложные и кажущиеся непреодолимыми препятствия. Препятствия эти происходят оттого, что в человеке остаются привычки от времени, когда он жил только для своего благополучия; заключаются же они и в его личных привычках, и в укоренившихся в его обществе обычаях, направленных на поддержание того же личного блага. Бессознательно человек продолжает следовать им и придумывать для себя новые средства удовлетворения личного блага, а между тем они-то и производят все те величайшие бедствия, от которых страдают люди.

Толстой так делит эти препятствия на пути проявления любви.

Во-первых, люди приготавливают себе удовольствия, делают себе забаву из насущных потребностей жизни: пищи, одежды, крова, продолжения рода и др., и тем самым рядом с роскошью вызывают нужду, а с нею зависть и ненависть одних и презрение и чванство других, ведущие за собою насилие и убийство; вызывают рабство женщины, баловство и извращение ее, низводящие ее до орудия удовлетворения плоти, неестественные пороки, дурные болезни, заброшенность детей, детоубийство и ссоры и убийства из ревности.

Во-вторых, люди стараются освободить себя от закона жизни, нужного им для удовлетворения насущных потребностей труда, и тем самым разделяются на два враждебных лагеря: загнанных работой и изуродованных праздностью.

В-третьих, люди приготавливают себе возможность удовлетворения своих потребностей в будущем и ради этого копят запасы, теряя границу, на сколько времени вперед им следует их копить: на год, на всю жизнь или для своего потомства, и, приобретая и оберегая их силой, тем самым вызывают воровство, грабежи, тюрьмы, каторги и казни.

В-четвертых, люди силой и хитростями стремятся покорить себе подобных и тем самым вызывают разделение и гордость, с одной стороны, и лезть и ненависть, с другой; споры, драки и убийства.

И, в-пятых, люди производят искусственное возбуждение своих телесных и умственных сил, опьяняясь торжественными зрелищами, алкоголем, табаком и другими средствами, и тем самым распускают себя, совершают необдуманные и безобразные поступки, напрасно тратят силы на ненужные и вредные дела, искажая души и жизни.

Все эти поступки, кроме того, что они мешают и прямо противоположны проявлению любви, кроме того, что вызывают ужасные бедствия, давно уже созданные человечеством, – не достигают и той цели, ради которой люди их совершают. Каждое удовлетворение своей потребности, будет ли то пища или отдых, производят наслаждение только как законные спутники насыщения, сохранения сил в труде. Но будучи отделены от насыщения и труда и употребляемые ради одного только приносимого ими наслаждения, вскоре приносят пресыщение, изнеженность и болезни, отнимая главный источник наслаждения человека – здоровье. Точно так же и во всех остальных случаях: копя имущество, человек не может быть уверен, что накопленного не отнимут у него; покоряя, он не может быть уверен, что и его не покорят так же, и потому кажущееся благо, которое он приобретает накоплением и властью, уничтожается его страхом за удержание их. А между тем он теряет истинную радость и наслаждение, заключающиеся в жизни любви и ее проявлении.

Любовь, стремящаяся к бесконечному расширению, заключена в пределы человека и стеснена наклонностями и пристрастиями его эгоистического существа. Но как только в человеке начинает действовать разум, любовь, освобождаясь, начинает давить на преграды и действует, как действует на поршни пар, сжатый в паровике машины. Человеку остается помогать ей, всё ярче разжигая в себе свет разума и употребляя усилие на сознание в себе своих привычек, препятствующих любви, и на борьбу с ними.

И потому-то Толстой выдвигает следующие три правила, необходимые для человека, стремящегося к исполнению воли Бога:

не доверять никому и ничему, кроме своего разума;

не оправдывать поступков, противных истинной жизни – увеличению и расширению любви,

и понимать, что такие поступки лишают человека не только его истинного блага, но не приносят и блага личного и производят зло в людях.

Прежде всего, не должно смущаться тем, что истина различно перетолковывается людьми. Истина открыта прежде всего и вернее всего в собственном сердце и разуме каждого человека и никогда не может быть открыта сразу вся, но открывается постепенно человеку, и только тому, который ищет ее по мере его неустанных поисков. Единственной прочной основой, единственным голосом, на который он может положиться, есть голос его совести, его собственного разума – его божественная сущность – голос в Нем Бога. Разум дан ему непосредственно от Бога для познания им воли Бога, и истина человеку открыта только через его разум. Всё же, что разъединяет людей, всё, что не естественно, т. е. несогласно с разумом, всё, что внушает недоверие к разуму, всё, что нуждается в каких-либо внешних приспособлениях для

передачи и распространения истины, – всё это есть обман и должно быть безо всякого сомнения и страха отметаемо от себя человеком.

Затем человек должен не лгать, главным образом перед самим собою; не бояться истины, но бояться, напротив, всякой лжи, всякого оправдания своего дурного поступка, т. е. такого поступка, который противоположен увеличению в нем любви.

Не оправдываться тем, что он не живет в настоящем любовью только потому, что готовится так жить в будущем. Это ложь. Готовиться человеку некогда, он должен жить лучшим образом жизни сейчас, такой, какой он есть. Единственное его дело есть дело совершенствования любви, а оно только и производится проявлением любви в жизни. Учиться любить можно только любя и проявляя любовь. И человек должен, не откладывая, жить всякую минуту всеми своими силами для всех тех, кто предъявляет требования к его жизни.

Не оправдываться и тем, что он должен раньше исполнить то или иное дело. Это тоже ложь. Всякое дело человеческое, имеющее конец, не может быть целью истинной бесконечной жизни; истинная же цель жизни – участие в бесконечном деле Бога – в наибольшем проявлении любви. Ради любви к людям человек должен быть всегда готов бросить всякое дело, как скоро его призывает совершение дела Божия.

Не оправдываться и тем еще, что он должен любить не всех людей одинаково, а близких к нему больше, чужих же – меньше. И это – ложь. Такая любовь – не любовь, а пристрастие. Истинная же любовь есть признание других существ собою, открытие в каждом другом существе той же божественной способности любви. Человек должен помнить это и стараться для всякого чужого делать то же, что может сделать для своего семейного, а для своих семейных не делать ничего, чего не готов и не может сделать для всякого чужого.

И, наконец, не оправдываться еще и тем, что зло, которое он причиняет одним людям, может послужить ко благу другим, пусть эти другие люди даже будут соединены с ним той или иной связью взаимоотношений. И это тоже ложь. Зло всегда есть зло, не могущее ничем быть оправдано. Человек прежде всего принадлежит Богу и есть орудие проявления любви – блага всему существующему. Только после Бога человек принадлежит тому или иному обществу, народу, государству. Ни на кого он не может сложить ответственности за свой поступок, но всегда только сам ответственен за него, а потому и обязан повиноваться прежде всего голосу своей совести – воле Бога.

В прямой борьбе с препятствиями, мешающими увеличению любви в человеке, следует начинать с воздержания от изобретения новых средств для удовлетворения личного блага, затем бороться с обычаями окружающего общества, которые нарушают закон любви, и, наконец, со своими прирожденными привычками. Кроме того, необходимо знать последовательность борьбы, так как одни из дурных наклонностей и поступков имеют свой корень в других и поддерживаются ими.

Толстой дает следующие заповеди последовательной борьбы со злом:

1. *Не затемнять каким бы то ни было опьянением свой разум, или совесть, необходимый для руководства в жизни.*

Чем серьезнее момент в жизни человека, тем больше требуется от него ясности мысли и совести. Разум не должен быть ничем затемнен или расшатан. Всегда и всюду необходимо человеку сознавать свое истинное назначение в жизни, и потому всякое опьянение возбуждающими средствами не только прямо вредит здоровью, но и отравляет душу, мешая ее жизненному росту – движению вперед сознательной жизни.

2. *В насущном вечном труде давать людям больше, чем брать от них.*

Освободившись от одурения и приобретя твердую опору в ничем не отуманенном разуме, человек сознательно приступает к выполнению своего назначения в своей и чужой жизни – к труду. Беречь же себя человеку так же неразумно, как работнику беречь орудие труда, а не тратить его к предназначенной работе.

3. При удовлетворении своих потребностей воспитывать в себе воздержание и не заботиться о себе, чтобы больше заботиться об усилении в себе любви.

Чем меньше человек заботится о себе, о том, что ему есть, пить, где спать и во что одеваться, тем больше у него возможности заботиться о других и тем добрее и любовнее его жизнь. Воздержание – необходимое условие всякой доброй жизни и всякого совершенствования. В воздержании же прежде всего надо начинать с воздержания в пище. А непременным условием воздержания в пище есть воздержание от нездоровой и возбуждающей животной пищи – мяса, главным образом потому, что она требует действия, противоположного любви – убийства.

4. Считать собственностью, достойной накопления и сохранения, только свои способности и добрые задатки своего ума и сердца.

Тот человек, который понял, что его богатство заключается только в нем самом, будет полезным, сильным и добрым человеком и не пропадет ни в каких условиях, а будет всюду всем понятен и дорог.

5. Не употреблять насилия, не участвовать в нем и не сопротивляться ему, но побуждать зло любовью.

Человек, избегающий борьбы, свободен и может отдать свои силы на то, что его привлекает, а также, любя других и вызывая в них ответом любовь, может пользоваться благами мирской жизни, выпадающими и на его долю.

6. Сохранять целомудрие, в случае же падения считать первое половое общение с кем бы то ни было и при каких бы то ни было обстоятельствах неразрывным браком, обязывающим к несению всех последствий деторождения и воспитания детей.

Удовлетворение половой потребности, продолжающей род, не обязательно для каждого, и человек может безнаказанно для себя воздерживаться от нее. Человек должен прежде всего служить воле Бога; вступая же в брак, он вместо того, чтобы употреблять все свои силы на развитие в себе желания блага всему существующему, спускается на низшую ступень жизни, как бы сознав свою слабость и передавая дело служения воле Бога своим детям. Но если уже случилось так – человек должен понести искупление за отступление от своего истинного назначения в жизни, и это искупление состоит в том, что первое же половое общение является неразрывным браком со всеми его последствиями деторождения и воспитания детей.

7

Руководством на пути совершенствования служит человеку разум, опорой же является ясное сознание в себе истинной, т. е. любовной жизни. Чаще всего все заблуждения и уклонения от дела любви происходят оттого, что люди не знают ясно, кто они, что такое их «я», или забывают это.

И потому Толстой указывает на одно могущественное средство в деле борьбы человека с его заблуждениями. Средство это состоит в том, чтобы, отрешившись от всего, что может развлечь чувства, вызвать в себе божеское начало. Это средство есть молитва.

Молитва в том, говорит Толстой, чтобы, отрешившись от всего мирского, внешнего, вызвать в себе божественную часть своей души, перенестись в нее, посредством нее вступить в общение с тем, кого она есть частица, сознать себя рабом Бога и проверить свою душу, свои поступки, свои желания по требованиям не внешних условий мира, а этой божеской части души. Такая молитва есть исповедь, проверка прежних и указание направления будущих поступков.

Всё иное, что подразумевается под понятием молитвы, Толстой отрицает.

Молитвой человек возвращает свою душу к сознанию своего Божеского начала, к более живому и ясному выражению требований своей совести, т. е. божеской природы.

Достичь этого человек может, повторяя уже готовые слова единственной молитвы, которую завещал своим последователям Христос; этого же человек достигает и читая слова других мудрых и святых людей, поверяя на них свою жизнь; этого же он достигает и в своих собственных словах, как умея обращаясь к Богу. Всеми этими родами молитвы молился и сам Толстой, оставив нам образцы того, как он молился – и Господней молитвы, и мудрыми словами других людей – собрав их изречения в «Круге Чтения» – и своими словами, когда записывал их в своем дневнике.

В одном из своих писем Толстой рассказывает о своей ежедневной молитве так:

«Моя ежедневная молитва такова:

“Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое. И после этого я прибавляю из евангелия Иоанна: имя Твое есть любовь, Бог есть любовь. Пребывающий в любви пребывает в Боге и Бог в нем. Бога никто не видит, нигде, но если мы любим друг друга, то Он пребывает в нас, и любовь Его в нас совершилась. Если кто говорит: люблю Бога, но брата своего ненавидит, тот лжец, ибо не любящий брата своего, которого он видит, как может он любить Бога, которого не видит. Братья, будем любить друг друга, любовь от Бога и любящий каждый от Бога и знает Бога, потому что Бог есть любовь.

“Да придет царствие Твое. И я прибавляю: ищите царствия Божия и правды Его, а остальное приложится вам. Царство Божие внутри вас есть.

“Да будет воля Твоя, яко же на небеси, так и на земли. И при этом спрашиваю себя: точно ли я верю в то, что я в Боге и Бог во мне? И верю ли я в то, что жизнь моя в том, чтобы увеличивать в себе любовь? Спрашиваю себя: помню ли то, что я нынче жив, а завтра помер? Правда ли то, что я не хочу жить для похоти личной и для славы людской, а только для исполнения воли Бога? И прибавляю слова Христа из трех евангелий: не моя воля да будет, но Твоя, и не то, что я хочу, а что Ты хочешь, и не так, как я хочу, а как Ты хочешь.

“Хлеб наш насущный даждь нам днесь. Прибавляю: пища моя в том, чтобы творить волю Пославшего меня и сотворить волю Его. Отвергнись от себя, возьми крест свой на каждый день и следуй за Мною. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, яко кроток, смирен сердцем, и найдете покой душам вашим, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко.

“И остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим. Прибавляю: и не простит вам Отец ваш прегрешений ваших, если каждый из вас не простит брату своему всех прегрешений его.

“И не введи нас во искушение. Прибавляю: берегись искушений – похоти, тщеславия, нелюбви, объядения, блуда, славы людской. Не твори милостыни перед людьми, но чтобы левая рука не знала, что делает правая. И ненадежен для царствия Божия взявшийся за плуг и оглядывающийся назад. Радуйся тому, что тебя ругают и срамят.

“Но избави нас от лукавого. Прибавляю: берегись зла, выходящего из сердца: злые помыслы, убийства (всякое недоброжелательство к человеку), кражи (пользования тем, чего не заработал), любодеяния, прелюбодеяния (хоть и мысленно), лжесвидетельства, хуления.

Закljučаю молитву опять словами евангелия Иоанна: и мы знаем, что мы перешли от смерти в жизнь, если любим брата своего. Не любящий брата своего не имеет жизни вечной, пребывающей в нем».

Таковую молитву Толстой называет временной в отличие от ежечасной, когда человек постоянно сознает присутствие Бога, как посланник бы сознавал во всё время своего посланничества волю его Пославшего.

Временная молитва помогает человеку тем, что когда он находится среди людей и его захватывают страсти, ему нетрудно вспомнить, что происходило в его душе во время молитвы уединенной, и чем она была искреннее, тем легче ему удержаться от дурного.

Сразу невозможно человеку освободиться от вкоренившегося в него зла. Сознав зло вдруг, человек желал бы и освободиться от него также внезапно. Но это невозможно. Никакие

перевороты ни в материальном, ни в духовном мире не делаются сами собою. Освобождение любви от всех препятствий совершается только медленным противодействием, и делать это человек должен каждый день, каждую минуту, не смущаясь своими ошибками и слабостями. Для того же, чтобы быть в состоянии делать это, нужна ежедневная молитва.

Жизнь человека не есть радость и не есть страдание, а рождение и рост истинного духовного «я» человека. И рождение это дается путем постоянного труда и усилия. Но и труд, и усилие облегчаются человеку его сознанием общности с бесконечной и непостижимой благой волею, которую он познает посредством проявления ее в нем через любовь и разум. И хотя человек знает, что и тело и сознание его – рано ли, поздно ли – уничтожатся со смертью, но внутреннее свое «я» он познает как существовавшее в нем до пробуждения в нем сознания и не подлежащее уничтожению. Какова будет жизнь после смерти, человеку для его же блага не дано знать. Если бы люди знали, что загробная жизнь будет хуже этой, то они еще больше бы боялись смерти, отравляя свое краткое существование. А если бы знали, что загробная жизнь будет лучше этой, они торопились бы умереть.

Одно достоверно, говорит Толстой, это то, что, умирая, я иду туда, откуда исшел, и если я верю в то, что то, от чего я исшел, есть разумная любовь (а два эти свойства его я знаю), то я радостно возвращаюсь к нему, зная, что мне будет хорошо, и не только не сокрушаюсь, но радуюсь тому переходу, который предстоит мне.

—

Такова в главных своих чертах нравственная система Толстого. И он, и Достоевский в глубине своей сущности говорят одно и то же.

Исходя из того, что Достоевский выводит, как следствие любви к людям, из божественной сущности человеческой души, Толстой приходит к тому, с необходимости чего для блага людей исходит Достоевский, – к людям. Но смысл один: истинная жизнь человека есть любовь – желание блага всему существующему, и это не мечта, не теория, а действительность – единственная, неизбежная и доступная каждому из нас.

8

Ни Достоевский, ни Лев Толстой не выдавали своего учения за открытую только ими истину. Толстой всюду, где встречается этому случай, говорит, что никакого его учения нет и что есть только одно учение – «вечное, всеобщее, всемирное учение истины».

Низводить их до творцов своей нравственной или философской школы, до служения только ограниченному обществу людей, значит не понимать их. Оба они сознательно служат всему человечеству, продолжая его единственное истинное дело всё большего и большего пространства и уяснения людьми нравственного закона.

Около трех тысяч лет тому назад на юге Азии в обширной и многолюдной стране Индии уже был высказан этот закон такими словами:

«Весь этот мир проникнут Божественным началом, хотя Оно и невидимо. Все существа имеют свой корень в нем... Тот, кто ощущает и любит в себе это начало, смотрит на всё существующее как на своего друга, и любит каждую душу как свою, и одинаково обращается с каждым с нежностью и любовью, совершая поступки ради добра, а не ради личных целей».

Пятьсот лет спустя в том же народе появился великий учитель, известный людям под именем Будды, что значит просвещенный, который более ясно и просто сказал то же самое:

«Пойми самого себя во всяком живом существе. Побеждай ярость любовью, отвечай добром на зло, потому что не ненавистью побеждается исходящее от ненависти: оно угашается любовью – таков вечный закон».

Одновременно с ним и ничего не зная об учениях индусов, в Китае мудрец Кунгтсе (Конфуций) дал первое краткое выражение этого закона:

«Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы тебе делали».

В тех же словах эта заповедь была высказана еврейским учителем, иерусалимским раввином Гиллелем:

«Не делай другому того, чего бы не хотел, чтобы тебе делали – это есть весь закон; всё остальное только его пояснение».

И, наконец, Христос, хотя и раньше Гиллеля, но позже Кунгтсе и ничего не зная о нем, дал еще более совершенную ее форму, требующую от человека уже деятельного добра:

«Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, потому что в этом закон и пророки».

То, что разные народы в разные века на разных языках и часто не зная друг о друге пришли к одной и той же истине, должно лучше всего указывать на общность духовного начала, живущего в существе каждого человека. В развитии же этого начала и всё большем уяснении его требований состоит истинная жизнь и движение вперед человечества.

И к этой-то истинной жизни всего человечества мы, русские, приведены нашими учителями Толстым и Достоевским.

Появление их в жизни русского народа было значительнее для него, чем все другие более громкие и заметные явления. Того, что составляет сущность культуры народа, не видно снаружи, как не видно снаружи того, чем руководится человек в своих действиях. Но только эта невидимая сущность, духовная основа делает и культуру народа и человека тем, чем она есть. Потому что только зная то, что составляет дух культуры, и то, чем руководится человек, можно оценить каждое явление их жизни и понять, когда они уклоняются от своего пути и когда продвигаются по нему вперед.

Смысл и основу русской культуры составляет то, чему учили Толстой и Достоевский. Составляет же основу русской культуры их учение потому, что они указали всему русскому народу путь в ряд других народов, признавших голос своей совести за высший закон; потому что через их учение русский народ соединяется со всеми другими народами в общем и единственном деле всего человечества, в деле, которое ведет людей к установлению всеобщего ненарушимого блага.

Впервые на близком и понятном каждому русскому языку они произнесли всемирную заповедь любви:

Каждой мыслью, каждым словом и каждым делом своим полюби Бога в самом себе и во всяком другом существе.

С их слов русский народ понял и узнал направление неизбежного развития своего духа, свою бесконечную цель – *желание блага всему живому у.*

И в этом направлении развития духа и бесконечной цели народа заключается уже вся оценка явлений его жизни – его культуры. Поняв их, мы тем самым поймем и то, на каком великом распутьи стоит сейчас русский многомиллионный народ, а также и то, в чем состоит выполнение его единственного призвания – победы духа над материей, любви над злом.

Россия воскреснет, но только тогда, когда к ней вернется дух, временно отлетевший от нее; вернуться же он может только через каждую единицу, составляющую с другими такими же единицами в целом Россию, – через каждого из нас. Строительство России не во внешних изменениях форм ее жизни, но внутри нас. Строя свою жизнь на основах разума и добра, мы ляжем кирпичом в основание огромного целого своего народа, который в свою очередь явится частью величественной постройки, всечеловеческого мирового храма для Бога, открытого человеком в своей маленькой и незаметной жизни.

Истина высказана, и нам остается или принять ее всю до конца, или до конца отречься от нее; но, отрекшись, изменить своему народному делу, а вместе с тем и делу всего человечества и, окончательно соблазнившись у европейского запада, заблудившегося в распознавании добра

и зла, уже бесповоротно вступить на дорогу насилия, убийства и безумия – на дорогу потери самих себя, самоуничтожения и смерти.

Через политическое крушение своей родины, давно готовившееся в ее истории, и через ее крестный путь жесточайшей пробой мы оценили на себе всю бездну падения современного человечества, усумнившегося в существовании духовного начала и решившего строить свое жизненное благополучие помимо голоса своей совести. Русский народ, как наиболее из всех остальных простой, прямой и совестливый, больше всех пострадал от заблуждений европейской мысли, выросшей из стремления к личному благу и насилию, яснее всех и понял всю смертельную опасность этого заблуждения.

В великой смуте революции мы потеряли все свои материальные богатства, мы увидели в глаза смерть и привыкли к нищете и к жестокому труду, мы почувствовали на своих боках всю оборотную сторону эгоистического устройства европейского мира, но это-то и заставило нас сделать как раз то, что ставил в основу нравственного переворота Лев Толстой – остановиться в кружении жизни и одуматься. Одумавшись же, мы увидели прежде всего всё сокровище своего народного духа и впервые ясно и просто и до конца оценили его, а тем самым, может быть, впервые за всю жизнь русского народа до глубины сознания поняли свои силы и свой долг перед всем человечеством и сознательно взяли в свои руки дело всемирного бессмертного блага.

В разные века разные народы держали это дело в своих руках и дополняли и углубляли его творчеством своего разума и духа. Одни выпускали его из рук, но тогда тотчас же на их место становились другие. И вот теперь, возможно, пришло время взять на себя ответственность за человеческое дело русскому народу.

От того, хватит ли у нас силы взять на себя и понести бремя творчества всемирного блага, зависит сейчас та истинная история человечества, которая совершается не в парламентах и не на полях сражения, но в душах и разуме людей.

В чем здесь выразится роль русского народа, мы еще не знаем и не можем знать. Будет ли она деятельным примером любви и смирения для других народов и этот пример, наконец, заставит одуматься их; или это будет новой проповедью, всё глубже и дальше развивающей вечную заповедь желания блага всему живому? Можем мы знать только одно то, что, что бы это ни было, наша совесть говорит нам, что мы живем в самое решительное и ответственное время своего народа, что с каждым из нас связано не только его будущее, но, может быть, будущее всего мира, и что наш народ сейчас несет, сохраняя в себе, дух всего человечества, а сокровищницей ему служат наши души и наши сердца.

За всё время, пока я писал эти главы, я мучительно думал и за себя, маленькую частицу своего народа, и за вас, для кого писал.

В ваши бесчисленные единичные воли передана судьба и своей родины, и, возможно, всего человечества. Как мы решим ее? А решение ее зависит от того, что мы сделаем с голосом своей совести и как употребим заложенный в нас дар любви.

Мы можем признать их мечтой и ненужной помехой в борьбе за свои ничтожные существованища от неосмысленного рождения до такой же неосмысленной смерти, и тогда мы покроем еще новыми напрасными слезами хлебные пашни земли. Может быть, в мире уже не будет никого, верящего в свое божественное назначение, и мы своим падением увлечем колеблющихся и укрепим уже павших среди остальных народов, и тогда весь мир, обезумев, уничтожит сам себя.

И мы можем сознать и утвердить в себе свое светлое начало и повести за собою все другие народы, задыхающиеся в злобе и отчаянии своей дурной, развратной и насильнической жизни.

Прислушайтесь к себе, и вы услышите, как в вашей груди безостановочно бьется сердце. Это не ваше сердце – это сердце вашей родины, потому что в нем, в этом каждом маленьком русском сердце уже решается судьба всей великой необъятной Руси.

Что же решило оно, мои дорогие братья? Голос его может оказаться одинаково как злое-щим набатом, так и торжественным пасхальным звоном, который сейчас, в третий день Пасхи, звучит за моим окном.

Но я верю в свой народ, и веру мою подкрепляют слова нашего учителя Федора Достоевского, который уже давно, еще в старой России, сказал:

Россию спасет Господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет, из веры и смирения его.

«От народа спасение Руси».

Апрель 22, 1930 г.

Источники

Для своей работы я пользовался, главным образом, писаниями самих Ф. Достоевского и Л. Толстого.

Полное собрание сочинений Ф. Достоевского и особенно:

«Записки из мертвого дома»

«Братья Карамазовы» (жизнеописание старца Зосимы)

«Дневник писателя»

Религиозно-философские статьи Льва Толстого:

Исповедь, В чем моя вера, Царство Божие внутри вас, Так что же нам делать, О жизни, Христианское учение; Требования любви, Единая заповедь, О сознании духовного начала, О свободе воли, Религия и нравственность, Не-делание, Неизбежный переворот, Первая ступень, Для чего люди одурманиваются, О науке, О ложной науке и другие.

Мысли Льва Толстого о Боге, о смысле жизни, о самосовершенствовании, об отношениях между людьми.

Дневник – Переписка Льва Толстого.

Кроме того я пользовался статьями – о Достоевском: Ор. Мюллера, Савельева, Булича, Милюкова, Бороздина, Глинки, Кони, Соловьева, Маркова, митр. Антония.

о Толстом: Бирюкова, Е. Соловьева, Левенфельда, Борова, Андреевича, Загоскина.

Печ. по изданию: Лев Гомолицкий. *Об основах русской культуры*. Цена в Америку 20 центов. Издание: Народная Газета, Пряшев, Масарикова улица 109. Типография Св. Николая, Пряшев. 1930. См. об этой брошюре письма Гомолицкого к В. Ф. Булгакову от 29 июля и 27 августа 1930. См. также рецензии: С. Н<альянч>, *За Свободу!*, 1930, № 195, 21 августа, стр. 3; Николай Сеоев, *Москва* (Чикаго), 1930, № 10 (20), декабрь, стр. 23.

Из вечных мыслей Ф. М. Достоевского

Как бы ни было велико для нас национальное значение Ф. Достоевского, оно никогда не заслонит от нашего внимания Достоевского-человека и Достоевского-учителя жизни. Мы можем гордиться его гением потому только, что он вышел из нашего народа, но самым ценным для нас в его творчестве останется всё же то, что он объяснил нашему русскому сердцу на его родном языке те вечные нравственные идеалы, которые через познание лучшей части своего существа – правды и человечества возвращают человеку единственную оправдывающую его существование миссию, а именно миссию человека.

В этот знаменательный день – день пятидесятилетия смерти Ф. Достоевского хочется пересмотреть в его творчестве всё имеющее вечное значение, именно те его возвышенные мысли о правде, любви, жизни и Боге, с которыми и сам он, отбросив всё временное и преходящее, предстал 50 лет тому назад перед лицом смерти. Вот потому-то я и предлагаю здесь вашему вниманию эти собранные мною главы из вечных мыслей нашего учителя и пророка как лучшее напоминание о том, чем он был и всегда будет для нас.

1. Жизнь-рай

1. Жизнь есть бесконечная радость.

2. Жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра и стал бы на всем свете рай^[37].

3. Посмотрите кругом на дары Божие: небо ясное, воздух чистый, травка нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он наступит во всей красе своей, обнимемся мы и заплачем^[38].

4. Кто внутренне счастлив, тот исполнил предназначение Бога о человеке.

5. Люди бывают злы только потому, что сами не знают, что они хороши.

6. Да где вам это познать, когда весь мир давно уже в другую форму вышел и когда сухую ложь за правду считаем, да и от других такой же лжи требуем^[39].

7. Чтобы переделать мир по-новому, надо чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше чем не сделается в самом деле каждый всякому братом, не наступит братства. Никогда люди никакой наукой и никакой выгодой не сумеют безобидно разделить в собственности своей и в правах своих. Всё будет для каждого мало, и все будут роптать, завидовать и истреблять друг друга. Вы спрашиваете, когда сие сбудется. Сбудется, но сначала должен заключиться период человеческого *удинения*, ибо все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого отдаляется, прячется и что имеет прячет, и кончается тем, что сам от людей отталкивается. Копит уединенное богатство и думает: сколь силен я теперь и сколь обеспечен, а и не знает, безумный, что чем более копит, тем более погружается в самоубийственное бессилие. Ибо привык надеяться на себя одного и от целого отделился единицей, приучил свою душу не верить в людскую помощь, в людей и в человечество, и только трепещет того, что пропадут его деньги и приобретенные им права его. Повсеместно тоже ум человеческий начинает насмешливо не понимать, что истинное богатство лица состоит не в личном уединенном его усилии, а в людской общей цельности. Но непременно будет так, что придет срок и сему страшному уединению, и поймут все разом, как неестественно отделились друг от друга. Но до тех пор надо все-таки зная беречь, и хоть единично должен человек вдруг пример показать и вывести душу из уединения на подвиг братолюбивого общения, хотя бы даже и в mine юродивого. Это чтобы не умирала великая мысль^[40].

2. Любовь

8. Любите всё создание Божие, и целое, и каждую песчинку, каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать всё далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир, уже всецело всемирною любовью^[41].

9. Не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле^[42].

10. Во всяком человеке добра больше, чем кажется поначалу. Люди смотрят суровее, чем они есть на самом деле, а только они стыдятся своих добрых чувств.

11. Перед иною мыслью станешь в недоумении, особенно видя трех людей, и спросишь себя: «взять ли силой или смиренной любовью». Решишься так раз-навсегда и весь мир покорить сможешь. Смирение любовное – страшная сила, из всех сильнейшая, подобной которой и нет ничего^[43].

12. На всяк день и час, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтоб образ твой был благолепен. Вот ты прошел мимо малого ребенка, прошел злобный, со скверным словом, с гневливой душой: ты и не приметил, может, ребенка-то, а он видит тебя, и образ твой, неприглядный и нечестивый, может, в его беззащитном сердце остался. Ты и не знаешь сего, а может быть, ты уже тем в него семя бросил дурное, и возрастет оно, пожалуй, а всё потому, что ты не берегся перед дитятей, потому что любви осмотрительной, деятельной не воспитал в себе^[44].

13. Животных любите: им Бог дал начало мысли и радость безмятежную. Не возмущайте же ее, не мучьте их, не отнимайте у них радости, не противьтесь мысли Божией. Человек, не вознось над животными: они безгрешны, а ты со своим величием гноишь землю своим появлением на ней и след свой тайный оставляешь после себя, – увы, почти всяк из нас!^[45]

11. Истинно, всё хорошо и великолепно, потому что всё истина. Посмотри на коня, животное великое, близ человека стоящее, али на вола, его питающего и работающего ему, понурого и задумчивого, посмотри на лики их: какая кротость, какая привязанность к человеку, часто бьющему его безжалостно, какая незлобивость, какая доверчивость и какая красота в его лике. Трогательно даже это и знать, что на нем нет никакого греха, ибо всё совершенно, всё кроме человека безгрешно, и с ними Христос еще раньше нашего^[46].

15. Братья, любовь учительница, но нужно уметь ее приобрести, ибо она трудно покупается, долгой работой и через долгий срок. А случайно-то и всяк полюбить может, и злодей полюбит^[47].

16. Любовь мечтательная жаждет подвига скорого, быстро удовлетворенного и чтобы все на него глядели. Тут действительно доходит до того, что даже и жизнь отдают, только бы не продлилось долго, а поскорее совершилось, как бы на сцене, и чтобы все глядели и хвалили. Любовь же деятельная – это работа и выдержка, а для иных так, пожалуй, целая наука. Но предрекаю, что в ту даже самую минуту, когда вы будете с ужасом смотреть на то, что, несмотря на все ваши усилия, вы не только не подвинулись к цели, но как бы от нее удалились, – в ту самую минуту, предрекаю вам это, вы вдруг достигаете цели^[48]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Граф Владимир Алексеевич Бобринский (в Гос. думе – Бобринский 2-й, 1867–1927), политический деятель, до 1907 либеральных (октябрист), с 1907 умеренно правых убеждений, видный деятель «неославянского движения», участник всеславянского съезда в Праге (1908), член Общества славянской взаимности, в 1909 вошел в думскую фракцию националистов и повел с тех пор резко антипольскую линию. В 1907 основал Галицко-русское благотворительное общество. Во время войны, в 1915 году, был назначен генерал-губернатором Галиции. В 1918 г. возглавил монархический союз «Наша родина» в Киеве, эмигрировал в 1919 г., умер в Париже.

2.

Первоначальное здание собора Успения Пресвятой Богородицы на улице Руськой было заложено в 1461 г.

3.

Основатель города Львова (1256) Галицко-Волынский князь Данило Романович.

4.

Первое церковное братство во Львове основано в 1453 г.

5.

В 1340 г.

6.

В. Пиотровский. Беатриче (Берлин: Слово, 1929). См. рец. Ю. Офросимова: Руль, 1929, 17 апреля, стр. 2–3.

7.

Т. е. жертвою.

8.

«Новое русское начинание», Русский Голос, 1929, № 32, 25 апреля, стр. 3. Ср.: Семен Витязевский, «Наше национальное имя (Кн. А. М. Волконский. Имя Руси в домонгольскую пору. Издание общества «Единство». – Прага, 1929)» <рец.>, Русский Голос, 1929, № 60, 4 августа, стр. 2–3.

9.

В газетном тексте опечатка: немудрой.

10.

«Смерть поэта» Лермонтова.

11.

Блок, «Грешить бесстыдно, непробудно...»

12.

Лермонтов, «Ангел» (1831).

13.

Гумилев, «Христос».

14.

Веневитинов, «Муза».

15.

Блок, «Я насадил мой светлый рай...»

16.

Тютчев, «Эти бедные селенья...»

17.

Блок, «Скифы».

18.

Блок, «На поле Куликовом» (1908).

19.

Гумилев, «Наступление» (1914).

20.

Есенин, «Запели тесаные дроги...» (1916).

21.

«Братья Карамазовы», кн. V, гл. 1.

22.

«Братья Карамазовы». Часть II, кн. 4.

23.

«Братья Карамазовы». Часть II, кн. 6. «Из бесед и поучений старца Зосимы».

24.

«Братья Карамазовы». Часть II, кн. 6. «Из бесед и поучений старца Зосимы».

25.

Гумилев, «Детство» (1916).

26.

Ср.: Есенин, «Мы теперь уходим понемногу...»

27.

«Братья Карамазовы». Часть II, кн. 6. «Из бесед и поучений старца Зосимы».

28.

«Братья Карамазовы». Часть III, кн. 7.

29.

«Братья Карамазовы». Часть II, кн. 6. «Из бесед и поучений старца Зосимы»

30.

Н. Червяковский, «О конкурсе поэтов», Русский Голос, 1929, № 51, 4 июля, стр. 3.

31.

Речь идет о воззвании «К писателям мира», подписанном «Группой русских писателей» и опубликованном в ряде русских эмигрантских и иностранных газет 10 июля 1927 года. За ним последовали выступления в его поддержку И. А. Бунина, И. С. Шмелева и др. Уже через день варшавская газета «Экспресс Поранный» сообщила о следствии, начатом ГПУ с целью установления авторов этого письма, и о том, что письмо было переправлено на Запад, возможно, через польско-советскую границу. См.: «Большевики ищут авторов воззвания русских писателей», Сегодня Вечером (Рига), 1927, 12 июля, стр. 1. Как показывают недавно опубликованные материалы, одним из инициаторов составления письма был руководитель ленинградского издательства «Время» И. В. Вольфсон, в апреле 1930 г. арестованный и привлеченный к «Академическому делу» (делу академика С. Ф. Платонова). См.: Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. Документы. Составитель: А. В. Блюм. Комментарии: В. Г. Воловников (Москва: РОССПЭН, 2004), стр. 180–182.

32.

В письме В.Х. Гриненко от 18 января 1930 г. говорилось: «И в то время, как подсоветские авторы, как Романов, Леонов и иные из лучших, чистых (пусть они и толкуют по-своему, но чисто, в тонах истинной русской литературы), имеют определенное движение даже в СССР, — мы здесь, на воле (только подумать!), никак не можем спокойно и правильно вспахать поле...» — «Что нам пишут». Вл. Гриненко, «<Письмо в редакцию>», Москва (Чикаго), 1930, № 4 (14), апрель, стр. 25–26.

33.

«Предисловие к “Заведению Телье” Мопассана».

34.

«О Шекспире и драме» (1904, опубл. в 1906, 1907 гг.).

35.

«Об искусстве».

36.

«Об искусстве».

37.

Достоевский, «Братья Карамазовы» (Из бесед и поучений старца Зосимы, раздел В).

38.

Слова старца Зосимы, там же (Из бесед и поучений старца Зосимы, раздел В — Воспоминания о юности).

39.

Слова старца Зосимы, там же (Из бесед и поучений старца Зосимы, раздел В — Воспоминания о юности).

40.

Слова старца Зосимы, там же, слова Зосимы, «Таинственный посетитель».

41.

«Братья Карамазовы» (Из бесед и поучений старца Зосимы, раздел Ж).

42.

«Братья Карамазовы» (Из бесед и поучений старца Зосимы, раздел Г).

43.

«Братья Карамазовы» (Из бесед и поучений старца Зосимы, раздел Г).

44.

«Братья Карамазовы» (Из бесед и поучений старца Зосимы, раздел Г).

45.

«Братья Карамазовы» (Из бесед и поучений старца Зосимы, раздел Г).

46.

«Братья Карамазовы» (Из бесед и поучений старца Зосимы, раздел Г).

47.

«Братья Карамазовы» (Из бесед и поучений старца Зосимы, раздел Г).

48.

«Братья Карамазовы», гл. 4. «Малoverная дама».